

**ВОЙНА
В
АФГАНИСТАНЕ**

**ВОЙНА
В
АФГАНИСТАНЕ**

ПОСЕВ

Сборник содержит описание первых полутора лет боевых действий, анализ причин этой войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход. Все материалы сборника взяты из ежемесячного журнала „П о с е в” №№ 2/1980 — 5/1981, регулярно освещающего ход войны в Афганистане на основании разных источников, а также сообщений от специальных корреспондентов „П о с е в а”, командированных в Афганистан.

2-е издание, измененное и дополненное

© Possev-Verlag, V. Gorachek.,1981
Frankfurt a. M.
Printed in Germany

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вторжение в Афганистан резко увеличило опасность новой мировой войны, вызывает волнения в странах Восточной Европы, беспокойство и брожение в нашей стране. Это лишь первые признаки того опасного периода, в который мы вступаем. От всех нас требуется максимум усилий для сохранения нашего будущего, для предотвращения катастрофы, к которой ведут нашу страну „вожди”. Нельзя надеяться, что кто-то это сделает за нас — катастрофы происходят тогда, когда пассивно ждут и ответственность за судьбу страны перекладывают на других. Хотя наш народ лишен права управлять собственной страной, мы можем влиять на ход событий, оказывая давление на правительство, создавая климат всеобщего осуждения агрессии и кровопролития в Афганистане, где бесславно, не зная за что, гибнет наша молодежь, где за независимость своей страны отдают жизни афганские патриоты. Нужно распространять правду о происходящем, чтобы наш народ знал, какое преступление совершается от его имени. Для этого издана и эта книга.

Издательство надеется, что многие экземпляры ее попадут в страну. Но этого мало. Мы призываем размножать ее любым способом и распространять как можно шире. Не ждите пока ваша семья потеряет сына, брата или мужа, как уже потеряли многие семьи. Пулями афганских партизан их убили те, кто сидит в Кремле. Они ответят за эту грязную войну Войну, в которой безымянно гибнут наши солдаты. Помните о них, когда будете читать эту книгу!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 43938390

Фамилия Боровик
Имя Юрий
Отчество Александрович
Год и месяц рождения 1959 декабрь
Время вступления в ВЛКСМ апрель 1977 г.
Уручженский райком
КСМ Павластана
(наименование комитета комсомола, выдавшего билет)

Алла-Атос
Боровик
(личная подпись)
М. П. Секретарь
комитета комсомола
Степанов
6 апреля 1977 г.
(дата выдачи)

Один из тысяч убитых... (Комсомольский билет убитого в Афганистане 20-летнего сержанта Юрия Боровика из Алма-Аты. Фото АТР)

Что ждет его в этой стране? (Фото АР)

В афганском капкане

Геополитическое положение

Афганистан — почти бездорожная страна, стиснутая в горах между Средней Азией и Индийским субконтинентом. Население живет по древним „феодално-байским” традициям, укорененным в исламе. С конца прошлого века Афганистан стал плацдармом борьбы и буфером между Российской и Британской империями.

Обосновавшись в Туркестане, царское правительство правильно оценило обстановку и предпочло иметь Афганистан как „дружественное самостоятельное государство”, а не осложнять русско-британские отношения присоединением Афганистана к Империи. Англичане такой мудрости не проявили и, начиная с конца прошлого века, предпринимали попытки расширить за счет афганских земель пределы своей Индийской империи. Понеся ряд кровопролитнейших поражений, и они, в начале этого века, отказались от планов захвата Афганистана.

Геополитическое положение, направление дорог и экономика делали для Афганистана более выгодной ориентировку на Север: в Северном Афганистане, граничащем со Средней Азией, сравнительно богатые плодородные земли, в Южном — каменистый хребет Гиндукуша, затрудняющий строительство путей сообщения. Поэтому и после установления советской власти в России (если исключить короткий период расцвета басмачества в Средней Азии) Афганистан продолжал ориентироваться на Север. Не изменил он этой линии и после ухода из Индии англичан, так как вновь образованное государство Пакистан стало претендовать на приграничные афганские земли на том основании, что по обе стороны границы живет один и тот же народ — пушту.

После Второй мировой войны Афганистан полностью попал в советскую сферу влияния: Советский Союз строил там промышленные предприятия, дороги, гидросооружения, плавил медь, разведывал нефть и газы. В Советский Союз шел почти весь афганский экспорт (три четверти выращиваемого в стране хлопка, шерсть, газ, нефть и значительная часть гидроэлектроэнергии). Афганская армия оснащалась советской военной техникой, офицеры получали военное образование в СССР. В плане большой международной стратегии советское руководство

могло располагать афганской территорией.

Однако афганцы имели возможность жить по старым порядкам, так как Советский Союз не вмешивался в их внутренние дела. Афганцев такое положение удовлетворяло, хотя их, верующих мусульман, в просоветских симпатиях заподозрить было нельзя.

Напомним, что двадцатимиллионный Афганистан — многонациональное государство: кроме хазар, народа монгольской расы, населяющего центральный горный массив страны (6 миллионов), и народа пушту, живущего вдоль пакистанской границы (тоже около 6 миллионов), там живут таджики, узбеки, туркмены (в основном на севере), есть также немного киргизов, бежавших из Советского Союза от коллективизации в начале 30-х годов и заселивших высокогорные районы безлюдной афганской части Памира, выходящей к китайской границе.

С точки зрения российских государственных интересов условия в Афганистане сложились благоприятные. В эпоху деколонизации — колонии политически компрометируют, порядок поддерживать в них сложно и дорого. Экономически они невыгодны, — если учитывать разницу между расходами на оккупационный аппарат и получаемой прибылью. В Афганистане же советское правительство получило возможность располагать природными ресурсами и контролировать

территорию независимого государства, не превращая его в колонию. Что, казалось бы, еще нужно?

Первая „революция”

В сентябре 1973 г. молодые, обученные в СССР афганские офицеры свергли престарелого короля Захир Шаха. Переворот возглавил его ближайший родственник, многолетний премьер-министр принц Мухамед Дауд, объявивший себя президентом республики. Переворот прошел бескровно, король, выдворенный из страны спокойно доживал свой век в Швейцарии.

После переворота изменений не произошло: Мухамед Дауд продолжил политическую линию, которую вел и при короле — сохранил внутреннюю независимость, тесно сотрудничая с СССР.

Тем не менее влияние коммунистов в стране было ничтожным. Существовало несколько коммунистических группировок. Две самые крупные из них, группирующиеся вокруг издаваемых ими газеток „Халк” („Массы”) и „Парчам” („Знамя”) в начале 1978 г. объединились в „Народно-демократическую партию (коммунистов)”. Количество членов этой партии тогда не превышало двух с лишним тысяч (на 20 миллионов населения!).

Экономическое положение Афганистана, находящегося в полной зависимости от северного соседа, в связи с общим мировым кризисом и односторонней ориентацией к 1978 г. стало очень тяжелым. Поэтому президент стал выискивать возможность получения западной экономической помощи. Советский Союз на это реагировал организацией коммунистического переворота.

„Затурский” переворот

В апреле (на языке фарси — „заур”) 1978 г. произошел второй военный переворот. Военный — потому что кроме просоветской группы офицеров в перевороте участвовала и его подготавливала специальная группа КГБ. Ворвавшиеся в президентский дворец путчисты зверски убили Мухамеда Дауда вместе с несколькими десятками родственников и приближенных.

К моменту заговора КГБ инфильтрировало афганскую армию. Захватившие — власть военные немедленно передали руководство страной в руки карликовой „Народно-демократической партии”. Во главе этой партии стояли сотрудничавшие с ГБ: генсек ЦК, бывший журналист Нур Мухамед Тараки и фактический хозяин партии, интеллигент марксистско-ленинской ориентации, получивший образование в США, Хайфизулла Амин.

В стране с очень тонкой прослойкой образованных людей были смещены или оттеснены на положение исполнителей все специалисты, служившие при старых режимах. На ключевые посты, даже в министерствах, поставили советских специалистов. А потом начали делать все то, что в конце концов вызвало народ на восстание.

Сначала „дежкан” соблазняли земельной реформой. Но когда землю отняли у „баев”, то оказалось, что на двор приходится не больше гектара. Отобранные у баев имения раздробили, а получившим землю дежканам не дали ни нужных машин, ни семенных фондов. К тому же многие из получивших байские земли боялись их обрабатывать, так как по мусульманскому праву захват чужой земли — строго караемое преступление. В результате страна начала голодать.

Затем приступили к „реформе” письменности с заменой арабского алфавита русским, введенным ранее в советском Таджикистане. (Как известно, в качестве государственного языка в Афганистане пользовались персидским языком — „фарси” — вернее, тем его диалектом, на котором говорят и у нас в Таджикистане.) Реформа сопровождалась мероприятиями по „ликбезу”, подобными тем, что проводились у нас в Средней Азии в 30-е годы и вызвали там волну басмачества. Одновременно развернули антирели-

гиозную пропаганду, добивались снятия чадры и ликвидации других мусульманских обычаев.

В „Народно-демократической партии” разгорелась фракционная борьба, в которой верх одержали теснее связанные с КГБ „кхалкисты” (сейчас „парчамовцы” сидят в тюрьмах или бежали за границу)

Партию пополнили конъюнктурщиками, вступавшими в нее ради получения выгодных руководящих постов.

Проводились массовые преследования инакомыслящих и протестующих. В первую очередь травле подвергались племенные вожди, духовенство, интеллигенция. Тюремные переполнились, количество заключенных выросло до десяти тысяч.

Начало восстания

Все указанные действия новой власти, а также создание потребительских кооперативов и национализация проводились с таким упорством и интенсивностью, что не прошло и года с момента установления нового режима, как по всей стране начались разрозненные стихийные восстания. Развороту восстаний способствовало то, что Афганистан — страна, где по традиции, как когда-то было и у нас на Кавказе, все население вооружено. Восстания подавлялись армией с невероят-

ной жестокостью, непокорные города и селения сжигались напалмом, сметались с лица земли ракетами и бомбами с „МИГов” и советских вертолетов. Но несмотря на это вооруженное сопротивление ширилось. Дополнительным катализатором сопротивления стала победа „мусульманской революции в соседнем Иране.

Кроме того, из Ирана пришло и реальное пополнение к повстанцам. Около миллиона афганских рабочих, трудившихся в Иране, после революции, вследствие массовой безработицы, вернулись на родину. Они принесли не только революционные опыт и дух, но и немало оружия, „изъятого” из казарм и арсеналов иранской армии.

В разворачивавшейся гражданской войне афганская армия очень скоро проявила свою ненадежность. Как только солдаты попадали в район, где жило их племя, они дезертировали. Начались чистки среди офицерского и кадрового унтер-офицерского состава. Офицеров и унтер-офицеров, подозреваемых в симпатиях к повстанцам, увольняли, арестовывали, остальных старались купить повышенными зарплатами, привилегиями. Но армия от этого не становилась надежней.

В Иране и Пакистане появились десятки тысяч беженцев из восставших селений, разбомбленных авиацией. Их количество сегодня уже достигает 200 тысяч. Через беженцев,

а также через иностранные посольства в Кабуле, поступают все новые сведения о росте народной войны, охватившей уже всю страну, и о зверствах карателей. В частности, только при налетах авиации убито более 50 тыс. жителей. Афганским повстанцам симпатизируют во всех мусульманских странах. Из Саудовской Аравии, Кувейта, эмиратов Персидского залива к ним идет не только моральная поддержка, но и финансовая, а также, вероятно, военная помощь.

Афганская армия, по воле режима Тараки-Амина подавляющая восставший народ, наводнена советскими военными советниками. В авиации эти „советчики” несут главную ответственность за убийства и разрушения, так как они пилотируют афганские самолеты и вертолеты, они занимают афганские авиабазы, переговоры летчиков с авиабазами ведутся только по-русски. Вероятно, афганским летчикам, если таковые еще остались, самолетов не доверяют, боясь, что они перелетят на повстанческую территорию.

Афганцы считают „русских” виновниками афганской трагедии. Против наших „советников” в первую очередь обращен гнев народа. С ними и их семьями повстанцы жестоко расправляются в первую очередь, а также не щадя „изменников” — и тех, кто вступил в партию ради „похлебки”, и тех левых интеллигентов (учителей, директоров

школ), которые присоединились к новому режиму по убеждению.

Близость финала

Летом 1979 г. события в Афганистане достигли апогея. Повстанцы оперируют во всех 30 провинциях, контролируя большую часть территории. В горном центре страны ими уже создано свое управление. Работают мусульманские суды, расправляющиеся с изменниками и оккупантами. Организовано собственное налогообложение. Поначалу стихийно разгоревшееся восстание не имело единого руководства. В августе 1979 г. 4 организации повстанцев — „Национально-освободительный фронт“, „Мусульманское сообщество Афганистана“, „Мусульманское революционное движение“ и „Мусульманская партия“ — объединились в единую организацию „Мусульманское клятвенное содружество“. Есть еще ряд борющихся групп, партий и организаций, не вошедших в объединение.

Афганская армия перестала быть опорой режима: на сторону повстанцев переходят не только целые подразделения (роты и батальоны), но даже ударные соединения. Например, на юге к повстанцам присоединилась ударная бригада в полном составе, с командирами (1200 человек при 8 танках, четырех

122-миллиметровых батареях и двух вертолетах без летчиков), предварительно вырезав 30 советских „советников”, в том числе и офицеров-вертолетчиков. А на пакистанской границе, в городе Кандахар, после массовых беспорядков, во время которых 30 советских и 15 афганских офицеров были растерзаны толпой, ГБ арестовало командира расквартированной там дивизии.

Чтобы пополнить тающую от массовых дезертирств армию, стали призывать дехкан, получивших отнятую у баев землю. Полагали, что эти дехкане будут за нее драться. Но и они переходят к повстанцам при первой возможности. Надеясь террором остановить разложение армии, против пойманных дезертиров применяют самые изощренные наказания: беженцы сообщают, что их заживо зарывают в землю, сжигают, обливая бензином. Но и это не помогает.

Без массивной советской поддержки режим давно бы рухнул. Но и этой поддержки уже недостаточно. Коммунисты контролируют только Кабул, несколько крупных городов и территорию вдоль дорог, ведущих из Кабула в Советский Союз. На эти дороги повстанцы направляют свои главные удары.

Без ввода советских войск Афганистана коммунистам не удержать. Но руководство КПСС на такой шаг пока не решается. Удерживая Кабул, коммунисты символически на-

ходятся еще у власти, и развивают бурную дипломатическую активность, обвиняя Иран и Пакистан во вмешательстве во внутренние дела Афганистана. Пакистан на советские ноты открыто не реагирует, а негласно указывает, что не в состоянии контролировать идущую по горам границу. А „хозяйин” Ирана Хомейни в ответ на советские обвинения вызвал к себе советского посла Виноградова и предостерег его от вмешательства Советского Союза во внутренние дела Афганистана.

Летом Кабул посетила советская военная делегация из 7 генералов во главе с начальником Главного политуправления Советской армии и ВМФ генералом армии А.Епишевым (примечательно, что делегацию возглавил политгенерал, а не один из маршалов!). „Правда” заявила, что Афганистан — „член социалистического сообщества”. Согласно этому заявлению, на Афганистан уже распространяется так называемая „доктрина Брежнева”, то есть попытка Афганистана выйти из „социалистического сообщества” автоматически должна вызвать советскую интервенцию.

В информационных кругах есть мнение, что такая интервенция неизбежна и лишь задерживается по двум причинам: во-первых, чтобы как можно меньше осложнять отношения с мусульманскими странами; и во-

вторых, что самое главное, выиграть время до ратификации американским Конгрессом договора ОСВ-2, так как ввод советских войск в Афганистан может сорвать ратификацию.

Отчасти поэтому повстанцы летом 1979 г. стремились любой ценой овладеть Кабулом и тем самым поставить великие державы перед свершившимся фактом. Первая попытка овладеть Кабулом имела место 25 июля: в городе произошла массовая демонстрация, а полиция, пытавшаяся ее разогнать, была обстрелена из толпы. Второй, уже комбинированный удар был нанесен 5 августа: в Кабул одновременно ворвались вооруженные группы повстанцев и там произошел мятеж части гарнизона, расквартированного в форте Бала-Хазар, на северной окраине города. Мятеж подавили советские вертолетчики, накрывшие форт ракетами. В то же время были попытки повстанцев прорваться к столице с юга и с севера, причем с севера прорыв возглавлял генерал Мустарни — бывший при президенте Дауде начальником Генерального штаба афганской армии.

С тех пор и в Кабуле коммунисты не чувствуют себя хозяевами положения. В стратегических узлах города дежурят танки. На людных местах, чтобы вести наблюдение за толпой, установлены телевизионные камеры. Советские специалисты ездят по городу

только большими группами в автобусах под охраной. Тараки и Амин бежали из правительственного дворца на пригородную военную базу, где их охраняют чекисты. Семьи коммунистической верхушки эвакуированы в Москву.

Ищут внешних конфликтов

Таким образом, Политбюро, организовав гебистский путч в Афганистане, попало в безвыходное положение — в капкан. Для замены коммунистического руководства более умеренными политиками-нейтралистами время пропущено. Да и сомнительно, была ли вообще такая возможность. Оставление клики Тараки-Амина на произвол судьбы — не только опасный прецедент освобождения государства, вошедшего в социалистический лагерь, но и угроза „мусульманской заразы” для советских республик Средней Азии. А открытая оккупация Афганистана готовит советским солдатам судьбу американцев во Вьетнаме. Между прочим, по данным швейцарской „Нойе цюрхер цайтунг”, советские части, укомплектованные (чтобы не выделяться) узбеками, таджиками и туркменами, уже находятся на севере Афганистана, где охраняют находящиеся неподалеку от советской границы газо- и нефтепромыслы, а также гидроэлектростанции.

Западные наблюдатели теряются в догадках относительно мотивов, толкнувших Политбюро на как будто не нужную ему авантюру. Упоминаются и стремление выйти к Индийскому океану, чтобы построить там базы и контролировать нефтепромыслы на побережья Персидского залива; и попытка нейтрализовать китайский прорыв в этом же направлении, по дороге, которую они проложили из Тибета через пакистанскую территорию; и боязнь инфильтрации враждебных идей в советскую Среднюю Азию через узбеков, таджиков и туркменов, живущих в Афганистане, и, наконец, подготовка к захвату Ирана и Пакистана.

Однако все перечисленные цели могли быть достигнуты правительством СССР и без установления в Афганистане совершенно чуждой народу власти — оно и при Мухамеде Дауде было там полным хозяином. Специалисты говорят, что в последнее время действия брежневской группы все чаще выглядят лишенными логики.

Нам кажется, что в афганской аванюре все же есть определенная логика. Но искать ее надо не во внешней, а во внутренней политике. Стара истина, что для диктатур единственный выход из внутренних тупиков — во внешнеполитических авантюрах. Коммунистическим диктаторам с каждым годом становится все трудней управлять нашей стра-

ной: растет глухое сопротивление в разных слоях народа, осложняется экономическое положение, под угрозой само функционирование государственной машины. Поэтому советские руководители (или, по крайней мере, наиболее агрессивная группа) сознательно ищут внешних конфликтов, пытаясь заставить Запад, в первую очередь США потерять нервы и ввязаться в периферийный конфликт. В такую политику вписываются и чреватая опасностями пересадка на американский континент „кастроизма” в Никарагуа, и совершенно ненужный, с точки зрения государственных интересов СССР, коммунистический переворот в Афганистане и, наконец, стационарирование советских подразделений на Кубе, в непосредственной близости от США. Очевидно, по мнению лидеров КПСС, захват коммунистами власти в других странах должен парализовать волю к сопротивлению противников в самом Советском Союзе, как бы указать им: „Вот видите, коммунизм идет победной поступью по всему миру. Поэтому ваша борьба — бесполезна!”

Таково наше объяснение афганских событий. Если оно верно, Афганистан — не последняя советская авантюра подобного рода.

(„Посев” № 9, сентябрь 1979 г.)

Оккупация Афганистана

Коммунистический режим во главе с Тараки и Амином, установленный после свержения Дауда, оказался непрочным. Мы писали об этом в предыдущей статье, посвященной Афганистану (см. „П о с е в ” № 9, 1979 — „В афганском капкане”).

Как развивались после этого события?

В сентябре прошлого года Тараки принял участие в съезде „неприсоединившихся стран”, проходившем на Кубе. На обратном пути он задержался в Москве для переговоров. Во время этих переговоров было принято решение устранить от власти Амина как наиболее одиозную в глазах народа фигуру. Надо было на кого-то свалить совершенные коммунистическим режимом преступления, чтобы немного успокоить страну.

Однако после возвращения Тараки из Москвы события стали развиваться не по плану. 14 сентября было сообщено, что Тараки „ушел в отставку”, а президентом Афганистана объявлен Амин. Затем последовало сообщение о смерти Тараки, якобы

от болезни, 9 октября. Но с самого начала циркулировали слухи о дворцовом перевороте. Эти слухи вскоре получили официальное подтверждение.

Министр иностранных дел Афганистана Шах Вали, принадлежащий к клике Амина, сообщил послам стран советского блока следующее.

Тараки во время своего пребывания в Москве получил приказ о „ликвидации” Амина. Тараки вызвал Амина в президентский дворец для переговоров. Амин, почуяв недоброе, отказался от встречи. Тогда присутствовавший во дворце советский посол Пузанов (б. член ЦК, ранее работавший в политуправлении армии) заверил Амина, что ему ничего не грозит, что посол гарантирует его безопасность. Амин отправился во дворец, приняв, однако, меры предосторожности. Во дворце произошел бой, в результате которого погибло около 60 человек. Тараки был тяжело ранен. Амин захватил президентский дворец, взял на себя обязанности президента и потребовал немедленного отзыва Пузанова.

Начальник личной охраны Тараки был объявлен „народным героем” и его похоронили со всеми почестями, из чего легко сделать вывод, что он был „человеком Амина” и сыграл важную роль во время „битвы во дворце”. Трое министров (ми-

нистр внутренних дел, министр пограничной охраны и министр связи), сторонников Тараки, нашли убежище в советском посольстве. Многие сторонники Тараки были убиты, расстреляны или попали в тюрьму. Имя Тараки было „изъято из употребления”.

Советское правительство оттягивало отзыв Пузанова. Тогда-то Амин и информировал — через своего министра иностранных дел — посольства коммунистических государств, как в действительности развивались события. После этого Пузанов был отозван, а на его место прислан Табеев (1928 г.р.), татарин (член ЦК с 1961 г., бывший секретарь обкома Татарской АССР).

Напомним, что после свержения Дауда, в апреле 1978 г., пришла к власти „народно-демократическая партия”, которую ГБ „сколотило” из двух враждовавших между собой коммунистических группировок „Халк” (Тараки и Амин) и „Парчам”. Халкисты вскоре оттеснили парчамовцев, загнали их в тюрьмы или эмиграцию. Лидер „Парчам” Бабрак Кармаль находился в эмиграции и встречался с Тараки в Москве. Там и было решено заменить аминовских халкистов парчамовцами. Операция не удалась.

Мог ли Амин противостоять московскому решению, если бы у него не было какой-то поддержки в советских кругах, остается

вопросом. Во всяком случае, после прихода Амина к власти он продолжал получать массированную полицейскую и военную помощь от Советского Союза.

Именно эта помощь позволила Амину предпринять в ноябре прошлого года широкое контрнаступление на повстанцев, захвативших значительную часть территории Афганистана. Объектом контрнаступления была территория, граничащая с Пакистаном. В операции участвовало 300 танков и большое количество боевых вертолетов, пилотируемых советскими летчиками. Аминовским войскам удалось пробиться к осажденному повстанцами городу Гардез (примерно в 100 км к югу от Кабула) и снять осаду. Удалось ликвидировать ряд укрепленных повстанческих баз. Несмотря на этот успех, общее военное положение в стране не изменилось. Потерпев поражение в одном месте, повстанцы успешно расширяли свои действия в других провинциях, устанавливая там свой контроль. Правительственных войск еще хватало, чтобы проводить концентрированные удары то в одном, то в другом месте, но они уже не могли контролировать территорию страны. Тем более, что учащались случаи перехода правительственных солдат и офицеров на сторону повстанцев.

Параллельно с военными операциями против повстанцев Амин предпринял попытку смягчить режим, а все совершенные преступления свалить на Тараки. Амин обещал прекратить преследования, восстановить свободу религии, пересмотреть „реформы“, направленные на ломку старого строя, призвал повстанцев сложить оружие, предлагая амнистию. Он опубликовал список 12 тысяч человек, погибших только в тюрьмах Кабула, во время „президентства Тараки“.

Однако население Афганистана не поверило этим посулам, ибо Амин был так же ответствен за совершенные преступления, как и Тараки. Кроме того, террор продолжался. Только за первые два месяца президентствования Амина в Кабуле было расстреляно до 500 человек. Тюремь были переполнены. Во время ноябрьской операции против повстанцев в Пакистан бежало свыше 20 тысяч человек. Вокруг режима Амина распространялась зияющая пустота.

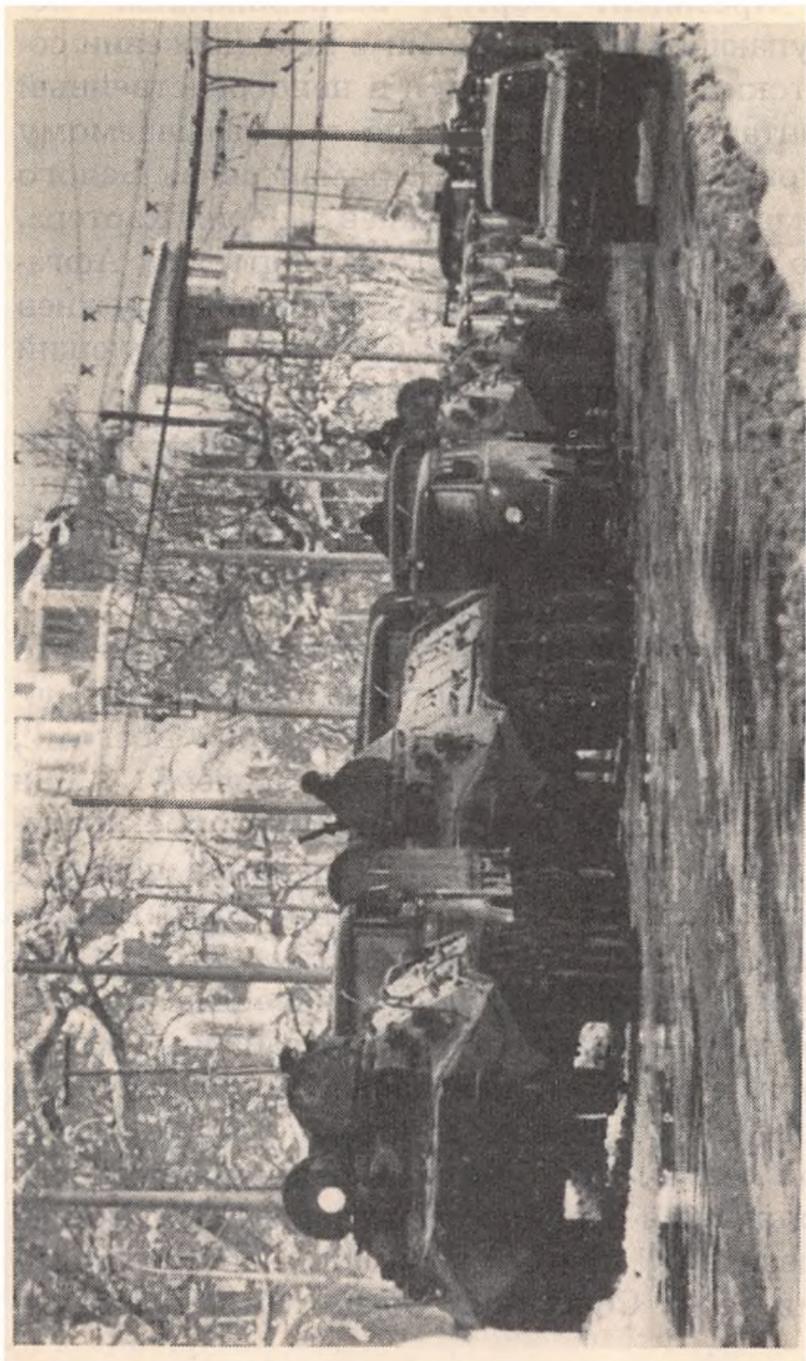
Отношение афганского народа к коммунистическому режиму определялось не личностями Тараки или Амина. Коммунисты в Афганистане были всегда немногочисленной группкой, не имевшей почти никакого влияния на население страны. Их атеизм и социальные утопии были глубоко чужды религиозным и социальным традициям, уко-

ренным в афганском народе. Они пришли к власти при помощи чужеземцев, русских — „шоруби”, чем вызвали еще большую к себе ненависть.

Начиная с первых чисел декабря, на кабульский аэродром ежедневно прибывали в большом количестве „советники” с севера. На границе Афганистана были постепенно сконцентрированы три моторизованных дивизии. В западной прессе начали появляться предположения о возможном вводе советских войск в Афганистан. ТАСС выступил с возмущенным „опровержением клеветнических слухов”.

Однако 25 декабря, во время рождественско-новогодних каникул, когда западные политики разъезжаются отдыхать, на кабульском аэродроме один за другим начали приземляться самолеты, доставившие за два дня 5 тыс. десантных войск и соответствующую военную технику. Всего за два дня на кабульский аэродром совершило посадку 150 транспортных самолетов типа „АН-12” и „АН-22”.

Между тем высадившиеся войска, координируя свои действия с уже находившимися в Кабуле „советниками”, заняли стратегически важные объекты в городе, взяли с боем президентский дворец и расстреляли Амина — вместе с семьей и ближайшими сотрудниками.

Советские войска входят в Кабул

Президент Картер, встревоженный поступающими сведениями о передвижении советских войск, вступил в непосредственный контакт с Брежневым по так называемому „красному проводу” (прямая связь Белого дома с Кремлем). Брежнев заверил Картера, что Советский Союз оккупировать Афганистан не намерен. Эти заверения Брежнев дал Картеру 29 декабря, на следующий день после запроса Картера.

В то же время сосредоточенные у Кушки моторизованные дивизии перешли афганскую границу и двигались на юг. В течение 29-31 декабря в Афганистан было введено 50 тысяч советских войск.

Советское правительство сообщило, что Амин „призвал советские войска на помощь”, для борьбы с „внешним врагом”, угрожающим Афганистану. Почему Амин был при этом расстрелян, советское правительство не пояснило. 27 декабря последовало сообщение об „избрании” Бабрака Кармаля президентом Афганистана. Кто его „избирал” — тоже осталось неизвестным. Сообщение это, как установили западные мониторинговые службы, передавалось с территории Советского Союза, а потом, с магнитофонной ленты, — кабульской радиостанцией, находящейся в руках спецотряда ГБ. „Новый президент” прибыл в Кабул — из Чехословакии через Советский Союз. Он впервые от-

крыто выступил только через неделю после своего „избрания”.

Новоявленный квислинг заявил, что Тараки был „героем” и „жертвой”, а во всем виноват Амин: он проводил массовые расстрелы, он наполнил тюрьмы, он преследовал мусульманское духовенство и верующих. Кроме того, он был „агентом американского империализма”. Советская пресса, буквально за несколько дней до этого печатавшая восхваления Амину, публикует эти „кабульские” сообщения, не считая нужным объяснить своим читателям, как могло советское правительство последовать „призыву американского агента” и послать „ему на помощь” войска.

Кармаль обратился с обещаниями и призывами к народу, пытаясь найти хоть какую-то опору. Но он оказался изолированным еще больше, чем Амин. В глазах афганского народа он — предатель, приехавший в страну в обозе русских оккупантов. Афганская армия в большинстве отказалась подчиниться Кармалю. Часть ее вступила в бой с оккупантами, часть была разоружена. В этой ситуации советское правительство продолжало посылать в Афганистан все новые и новые войска, общая численность которых достигла к середине января 100 тысяч человек. На советские войска легла задача не только воевать против повстанцев, но и

держат в подчинении население страны. Советские полицейские части должны были отражать штурм кабульской тюрьмы, предпринятый родственниками заключенных. Часть заключенных была освобождена. Штурмовавшие понесли потери убитыми и ранеными.

После ввода советских войск положение в Афганистане сложилось такое. В Кабуле, днем советские части, как правило, находятся в казармах, но с наступлением запретного часа город полностью переходит под их контроль. Вокруг Кабула советские войска создали оборонительное кольцо в расстоянии 20 км от города. Три главных дороги — на Кандагар, на Желалабад и на север, к перевалу Саланг — перекрыты. Связь Кабула с остальной страной ограничена. Вдоль этих основных дорог расположены советские войска и танки. Гражданский аэродром Кабула, военный аэродром Баграм на север от города, а также военный аэродром на юге страны, около Зараса, на дороге между Кандагаром и Гератом, заняты советскими войсками. Кроме того, начата постройка шести аэродромов, из них три — на южной стороне Гиндукушских гор.

Таким образом, удерживаются и укрепляются основные дорожные артерии, которых в стране немного. Действия против повстанцев в провинциях, лежащих в отдалении

от этих артерий, советское командование пытается переложить на остатки афганской армии. Однако успехов это не приносит, так как афганские части мало боеспособны и склонны к переходу на сторону повстанцев. Во время занятия советскими войсками Кандагара и Герата почти все афганские регулярные части либо дрались на стороне повстанцев, либо сотрудничали с ними.

Было бы преувеличением говорить о боях между советскими войсками и повстанческими отрядами. При неравных силах тактика повстанцев сводится к тому, что они атакуют выдвинувшиеся вперед или оторвавшиеся от основного соединения части. Кроме того, в тех местах, где охрана численно слабее, повстанцы перерезают удерживаемые советскими войсками дорожные артерии. Советские вертолеты в таких случаях направляются к месту, где проведена операция, и преследуют уходящих в горы повстанцев. Горные дороги чрезвычайно узки, плохо проходимы. Достаточно подорвать на mine или другим способом вывести из строя головной танк, как запирается путь всей колонне. Тогда повстанцы стремятся вывести из строя последний танк колонны и вся часть попадает в тяжелое положение. Несколько таких операций повстанцами уже было проведено, и советские части понесли по-

тери. Поэтому для операций в горных местностях и отдаленных провинциях используется, в основном, авиация.

Тактика советского командования направлена и на то, чтобы отрезать повстанцев от снабжения продовольствием, которое они должны добывать из населенных пунктов, расположенных в долинах. Для этого, однако, необходимо контролировать очень большие территории в стране, которая по размеру превышает Украину. Находящихся сейчас в Афганистане советских войск недостаточно, чтобы осуществить такой контроль.

Все сведения, поступающие из Афганистана, однозначны: население относится к „русским” с ненавистью. Это проявляется как в мрачной замкнутости, так и в эмоциональных высказываниях. Живущие в Кабуле иностранцы не рискуют посещать старые кварталы города, так как боятся быть принятыми за русских и подвергнуться нападению.

(„Посев” № 2, февраль 1980 г.)

*Перестрелка в Кабуле 25. 1. 1980 г., во время которой было убито два советских солдата.
(Фото АР)*

Первые месяцы афганского сопротивления

Положение в Афганистане, как и следовало ожидать, обостряется. Сопротивление уже не ограничивается действиями повстанцев, а охватывает широкие слои населения. При этом — в самом контролируемом пункте страны, в Кабуле, где находится такое количество оккупационных войск, что город напоминает военный лагерь.

21 февраля, в четверг, в Кабуле закрылся базар. Закрытие базара на востоке — одна из старейших форм протеста населения. Базар — это не только место, где торгуют в многочисленных маленьких лавочках, но и территория, — всегда весьма значительная, — где протекает общественная жизнь города. Напомним, что в антишахском движении закрытие тегеранского базара сыграло очень большую роль. Это своего рода всеобщая забастовка среднего сословия.

К закрытию базара в Кабуле призывали тайно распространявшиеся листовки. Несмотря на угрозы властей, лавочки, маленькие мастерские, кофейни закрывались одни

за другими. Город опустел. Жизнь замерла. Во второй половине дня начались демонстрации, достигшие наибольшего размаха в пятницу — традиционный праздничный день у мусульман. В пятницу в демонстрациях, под зелеными мусульманскими знаменами, участвовали десятки тысяч. Демонстрации шли волнами. Подавляемые в одном месте, они снова возобновлялись в другом. Афганские воинские части в ряде случаев отказались стрелять в толпу. Советские вертолеты, летая над городом, чтобы запугать демонстрантов, стреляли поверх толпы. Однако в результате этой стрельбы были и убитые, и раненые. В отдельных местах между демонстрантами и войсками происходили вооруженные столкновения, так как у части демонстрантов было оружие. По сообщению главной квартиры повстанцев, было убито 800 человек. По данным дипломатического корпуса, число убитых насчитывается сотнями. Один западный журналист, сопровождавший раненого в госпиталь, считал там 50 трупов. Но как бы ни считать, ясно одно: массовый расстрел демонстрантов имел место. А так как в нем, в той или иной мере, принимали участие и наши войска — на советском правительстве лежит ответственность за пролитую кровь. И на всех нас — до сих пор допускающих существование этого правительства.

А вне Кабула дела обстоят, пожалуй, еще хуже.

В Кандагаре и Герате закрыты базары.

Дорога между Джелалабадом и Кабулом перерезана повстанцами. Даже конвои не пробиваются. Для освобождения дороги, представляющей очень большое значение, двинута советская танковая колонна.

Аэродром в Файзабаде, на северо-востоке Афганистана, который должен был быть использован советским командованием как операционная база в направлении китайской границы, находится в руках повстанцев, потому что афганский гарнизон, численностью в 500 человек, перешел на их сторону.

Кстати: весь план советского командования — держать важнейшие связные дороги и основные города, а на афганские войска возложить действия против повстанцев — затрещал по швам. Сведений о переходе афганских воинских соединений на сторону повстанцев поступает столько, что даже если их принимать с большой скидкой, один вывод бесспорен: афганские части ненадежны. Оккупационное командование усиливает свой контроль над ними, а это в свою очередь ведет к увеличению количества переходов на сторону повстанцев. И не только к увеличению переходов, но и к учащению столкновений с оккупантами. Так, при

захвате аэродрома Файзабад было убито 85 советских солдат, входивших в состав смешанного гарнизона. При захвате повстанцами города Али-Шанг (на реке Алишанг, притоке реки Кабул) афганский гарнизон перешел на сторону повстанцев, убив при этом приданных ему 11 советских военных советников. Еще пример: в середине марта афганская часть, расположенная за советской линией обороны Кабула к северу от города, в составе 360 человек, включая офицеров, покинула позиции и двинулась к повстанцам. На походе она была атакована советской авиацией. Понеся потери, бывшие правительственные войска скрылись в горах.

Переходы отдельных афганских частей, а особенно местных гарнизонов на сторону повстанцев играют важную роль в решении проблемы вооружения, так как при этом в руки повстанцев попадает легкое оружие с боеприпасами к нему. В отдельных случаях — и тяжелое оружие. Все наблюдатели подтверждают, что у повстанцев вооружение советского производства. Именно поэтому пущена версия, что „американцы снабжают повстанцев советским оружием”. Но даже, если частично повстанцы получают советское оружие извне (мало ли его напродавали во все страны, в том числе и в мусульманские), то что это меняет? Мы знаем одно: оружием,

изготовленным в СССР руками отцов, убивают их сыновей в далеком Афганистане.

Ненадежность афганских подразделений срывает упомянутый выше план советского командования и вынуждает его вводить все новые части. В результате советские войска все больше и больше непосредственно втягиваются в бои с повстанцами. Так, например, повстанцы в апреле атаковали военно-воздушную базу Баграм, неподалеку от Кабула, находящуюся полностью в руках советских ВВС. По сообщению индийского телеграфного агентства, было повреждено несколько самолетов и вертолетов. Убито 12 человек, в том числе генерал. ТАСС выступил с опровержением — очевидно потому, что это было индийское сообщение. На сообщения других иностранных источников о потерях оккупационных войск ТАСС уже не реагирует.

Между тем, Лондонский институт стратегических исследований, известный своей осведомленностью и достоверностью, сообщил, что советские оккупационные войска в Афганистане в течение трех месяцев (январь-март) потеряли 5 тыс. человек, в том числе 2 тыс. убитыми и 3 тыс. тяжело ранеными. Заместитель американского государственного секретаря Кристофер, базируясь на разведывательных данных, определил потери оккупационных войск в Афганистане в 500-600

человек убитыми и ранеными в неделю, начиная с момента оккупации. Заявление Кристофера было сделано в конце марта. Его данные дают цифры общих потерь за 3 месяца в 6 600 человек. Лондонский институт отмечает, что необычное соотношение между числом убитых и раненых (два к трем) объясняется характером партизанской войны, в частности, тем, что повстанцы не берут пленных.

Общее количество оккупационных войск до конца марта исчислялось постоянной цифрой — 80 тысяч человек. Разумеется, происходила подмена частей. Теперь, к концу апреля, как по западным, так и по сведениям из азиатских стран, введено дополнительно от 20 до 25 тыс. человек. Но поскольку потери исчислены за три месяца (до апреля), то они составляют, по лондонскому и вашингтонскому источникам, от 6 до 8%. Что означает такой процент потерь? В стране, которой оказана „дружеская помощь”? Советская пропаганда говорит об американских, китайских и пакистанских наемниках. Сколько же нужно „наемников”, чтобы вывести из строя от 6 до 8 % личного состава? Это — ложь на „коротких ногах”. Наши солдаты и офицеры знают, с кем они сражаются.

Каково моральное состояние наших войск в Афганистане? Офицеры и солдаты избегают действий в пешем строю. Они неохотно

отрываются от своих танков, бронированных машин и вертолетов. Но военная техника ограниченно работает в горных условиях Афганистана. Чтобы бороться против повстанцев, необходимо идти в горы, ущелья, пещеры. Командование не рискует применять эту тактику. Почему? Во-первых, потому, что находящиеся в Афганистане части обучены действиям со всесторонним использованием техники, — к войне в Западной Европе. Во-вторых, потому, что пехотные операции в горных условиях потребуют ввода новых войск (напоминаем, что территория Афганистана больше, чем территория Украины) и поведут к еще большим, чем сейчас, потерям.

Но если проводить „замирение” страны такими методами как сейчас — это на годы. К этому, видимо, и готовится командование. В Кабуле строятся казармы и военные городки для размещения войск, прокладываются линии связи к гарнизонам, расположенным в других городах страны, начала работу вещательная радиостанция группы войск, проводятся бурения артезианских колодцев для водоснабжения войск в период сухого и жаркого афганского лета. А что, если повстанцы будут снабжены современным оружием, ракетами? Тогда вся эта структура начнет рушиться.

Отсюда, вероятно, и вытекает вторая кон-

цепция войны — террористические удары по населению. Индийское телеграфное агентство, которое трудно заподозрить в „антисоветскости”, сообщает, что в восточной провинции Лагман в марте убито свыше 5 тысяч женщин, детей и стариков — в результате бомбардировок и применения напалма. Главный город провинции, Митрелам, два раза подвергался нападению с воздуха, хотя повстанцы давно покинули его, уйдя в горы. По показаниям беженцев, подобное происходит и в других провинциях Афганистана.

Открытым остается вопрос о применении газов. Тот же Кристофер осторожно заявил, что информационные сообщения на эту тему учащаются. В основном эта информация поступает от беженцев, уходящих в Пакистан. Число их превышает уже 600 тысяч. На это, очень взвешенное заявление американцев последовал немедленно ответ ТАСС, в котором со всей определенностью утверждается, что ядовитые газы применяют „бандиты”. При этом даются различные подробности, включая „американский штемпель” на газовых гранатах и даже указание завода в Пенсильвании, где они изготовлены. ТАСС заявляет, что и название завода написано на гранатах. Такие детали только усугубляют неправдopodobность сообщения ТАСС. Зачем бы давали американцы гранаты со свои-

ми „визитными карточками”? Реакция ТАСС скорее подтверждает сообщения беженцев о том, что газы применяются советскими войсками. „Моральные предпосылки” у советского руководства для этого имеются. И опыт преступлений тоже богатый.

Страна находится в неведении о полном объеме операций в Афганистане. Советская пресса скупо сообщает о „нападениях бандитов”, об американско-китайско-пакистанских агентах”, об „операциях афганских правительственных войск”. Но чем больше похоронок, чем больше писем от раненых, чем больше сообщений поступает из Ташкента и Ашхабада, тем яснее становится населению картина происходящего в Афганистане. И вопрос — кому и для чего это нужно — неизбежно возникает.

(Из „Посева” № 3 и № 5, 1980 г.)

Советские боевые позиции в 10 км от Кабула. (Фото АР)

«Я не понимаю, чего они хотят от Афганистана»

Свидетельство афганского беженца

26 февраля, в долине Кунара... они нагрянули с танками, с самолетами, с вертолетами, с МиГами и всяким современным оружием. Дивизия русской армии. Мощная. Они начали утром, в 6 часов 30 минут. Сначала бомбили наши села, наши деревни, наши крохотные аулы, на холмах и в долине. В это время люди были дома, жили своей жизнью. Дети попали под бомбы. Женщины были убиты. Все умирали. Наша молодежь стреляла в танки и солдат Красной армии. Многих русских убили на месте. Иногда русские врывались в дома: вертолеты высаживали их на крыши... И они врывались в деревню и дрались в домах, и крестьяне сопротивлялись им, как могли. Многих убили, — русских и наших. И детей, и женщин.

Страшное, страшное зрелище, — не знаю, как описать. Везде раненые. Маленькие дети и женщины. Везде плач и рев. Люди сопротивлялись до последнего патрона. Потом они

стали кидать на танки камни и палки... Потом они побежали из долины. Теперь никто не знает, где жена, дети, родные. Все разбрелись по горам и долинам. Люди с этой стороны смогли сбежать. Все, что было в домах у этих несчастных, разгромлено. Теперь у них ничего не осталось, никаких средств для жизни.

Перед началом боя бомбили. Всякими бомбами: большими, ракетами; какой-то бомбой, от которой становилось очень жарко, все загоралось вокруг. От другой бомбы, сброшенной ими, шел очень вредный дым, — от него болела голова, очень неприятный привкус во рту, страшные боли в ногах.

Теперь все основные центры Кунара, как Асмар, Шигаль, долина Дангам, — все в руках советских. Все люди до одного, кто там жил, ушли, ушли насовсем. Куда ни глянь — одна смерть, ничего живого не осталось; одни танки и грузовики с советскими солдатами.

Я не знаю, что может еще случиться с Афганистаном, с муджахидами. У русских нет никакого представления о... человеческой жизни! Мы потеряли своих друзей, дорогих друзей. Мы боролись вместе, укрываясь за одними камнями. Теперь... потушите свет на минутку (он плачет). Люди, жившие в долинах, были очень бедны. Но их жизнь была счастливой — вместе с семьями, деть-

ми. Теперь их жизнь целиком раздавлена, сметена советской армией. Ради чего?! Вся их жизнь потеряна. И они теперь бродят, и их жизнь лишена смысла.

Я не понимаю этих русских, этих людей. Не понимаю, чего они хотят от Афганистана. Почему так калечат нашу жизнь, почему убивают людей, борющихся за свою страну, за свою веру, за свою свободу. Я не понимаю, чего они хотят.

(Одно из показаний беженцев, записанных американским антропологом Майклом Бэрри на границе между Афганистаном и Пакистаном. См. также „Русскую мысль” от 12. 6. 80, 31. 7. 80 и 21. 8. 80)

(„Посев” № 10, октябрь 1980 г.)

Ради чего посланы умирать эти ребята?! (Обгоревшее тело погибшего советского танкиста после боя в населенном пункте Тагхаб в 60 км к северо-востоку от Кабула, в середине октября 1980 г. Фото японского журналиста Хироми Нагакура, AP).

Кровь, о которой запрещено говорить

В одном из провинциальных городков, в актовом зале местной школы стоят 17 цинковых гробов. Над ними кумачевая лента с надписью „Пал при исполнении интернационального долга”. Почетный караул — из двух пионеров. В гробах — вчерашние десятиклассники, брошенные заботливой рукой правительства в кровавое месиво афганской авантюры...

Нам известно только об одном случае отдания последних почестей советским солдатам, павшим в этой войне. Прочие погибшие в Афганистане умирают „по секрету”. С недавнего времени не везут и цинковые гробы с телами убитых, которые в народе с мрачным юмором называют „афганскими консервами”. Павших хоронят в братских могилах на месте.

Матерей погибших сразу же после вручения „похоронки” зачастую вызывают в КГБ, где им вежливо втолковывают, что распространяться о случившемся не стоит, „а то сами понимаете, что может случить-

ся...” Советские газеты не приводят также списки награжденных (если таковые имеются) или просто отличившихся в этой колониальной войне.

И все же солдаты из Афганистана возвращаются, — кто на лечение, кого демобилизуют, — и прикрыть этот источник информации не так-то просто.

О применении в Афганистане химического оружия мы узнали в середине февраля. Несколько советских солдат прибыло в Ленинград для лечения химических ожогов, полученных во время газовой атаки на повстанцев. Защитные костюмы у ребят оказались непрочными (халтура, дело обычное!).

Офицеры, помнящие Отечественную войну, говорят: „Тогда хоть линия фронта была: мы по эту сторону, немцы — по ту. А повстанцы — они везде. Не знаешь, откуда пулю ждешь.” Те же, кто участвовал в чехословацкой интервенции, только головой качают: „Да, это вам не Чехословакия...”

В своих боевых действиях лишенные тяжелого оружия повстанцы опираются прежде всего на снайперскую стрельбу. Спрятавшийся на пути следования советского отряда партизан берет на прицел офицера, отличая его от солдат по погонам. Офицеры норовят перед выходом плащ поверх погон накинуть, да только повстанца трудно обмануть.

Бывает, что берут партизаны пленных. Расправляются, главным образом, с офицерами, причем жестоко: отрезают им конечности и перетягивают жгутами, чтобы те не умерли от потери крови, и в таком виде оставляют, чтобы свои потом подобрали. Целые палаты в военном госпитале в Душанбе забиты этими искалеченными людьми. Они не хотят жить, но их лечат...

Из разговора с двумя солдатами, вернувшимися из разных афганских провинций, удалось выяснить, что иногда повстанцы, зверски расправившись с попавшими в плен офицерами, отпускали простых солдат невредимыми, только разоружив их. Случаи, когда повстанцы долго держали пленных, неизвестны.

Один из солдат, лежавших в госпитале в Душанбе, вспоминал, что там лежало много офицеров с пулевыми ранениями в спину, в упор — свои же солдаты стреляли.

Из афганских деревень доставляют раненых, изуродованных крючьями, ножами, вилами.

Широкое применение в афганской войне имеют пули со смещенным центром тяжести, которые применяют с обеих сторон. О действии подобных пуль можно судить по эксперименту, который ставился на одном из советских полигонов. Кочан капусты накрывали каской, в которую затем производился

выстрел дестабилизированной пулей. Входное отверстие пули было обычным, капуста же, находившаяся под каской, выглядела мелко нашинкованной.

Так и идут через афганскую границу два эшелона: туда с новобранцами и оружием, обратно — с ранеными. Вероятно, для наглядной агитации.

Не все отправляются в Афганистан подневольно. Появилась в Советском Союзе новая категория солдат — наемники. В Москве один этаж в общежитии для иностранных студентов в МГУ занят размещенными там завербованными на спецкурсы топографов и радистов любителями легких денег. Курсы ускоренные, специально для Афганистана, платят стипендию — 400 рублей в месяц. Держится все это в тайне. В период обучения вместо формы наемникам выдается заграничная одежда, в которой они ходят вплоть до дня отправки. Свои принимают их за иностранных студентов и особенно с ними не общаются: заводить знакомство с иностранцами, обучающимися в МГУ, им строгойше запрещено.

Один офицер, вернувшийся после „оказания братской помощи” домой, жаловался на судьбу. Нет, его расстраивало не то, что он принимал участие в откровенной интервенции, посылал солдат на позорную гибель. Его злило, что обещали ему выдать по возвраще-

нии половину жалованья в сертификатах, а заплатили в рублях. „А что на них купишь?“

Полковник, отправлявшийся в Афганистан, хвастался, что по возвращении у него будет „Форд“ — а „Волга“ у него уже есть.

На широкую ногу поставлена дезинформация в армии. Один солдат с пеной у рта доказывал, что повстанцев вообще не существует, а воевали они против переодетых в штатское пакистанских солдат. Ему политрук так сказал.

Напротив, случается слышать от солдат и такое: „Афганистан здорово мозги прочищает. На многое после этого иначе смотришь. Я вот раньше „голоса“ не слушал, а теперь слушаю и знаю, что каждое слово — правда”.

Вспоминается вьетнамская война — сжигание повесток, медали на ступенях Белого Дома, демонстрации протеста. Спрашиваю ровесников: „А ты пошел бы воевать?“ Ответ: „Конечно, история поганая. Одно дело родину защищать, другое — умирать в чужой стране неизвестно за что. Но если пошлют — куда денешься, пойду...”

Другой возмущается увиденным по телевидению репортажем из Кабула: „Там по улицам жлобы ходили, лет по тридцать каждому, и все в штатском. Им бы по винтовке в руки и пусть сами себя защищают. А то посылают наших ребят!“ „От кого пусть защи-

щают?” „Как от кого?! От американцев!”

Разговор с интеллигентом: „Я, конечно, понимаю, агрессия — дело малочетное. Но в СССР тяжелое экономическое положение. Если захват Афганистана может поправить дело — он вполне оправдан. И потом, не думаю, что американцы не соблазнились бы этой страной, не введи Союз туда свои войска”.

Это еще ничего, однажды довелось услышать и такое: „Хорошо, что успели. Афганские (!) войска уже на советской границе стояли, к нападению готовились!” К счастью, так думают далеко не все.

Как только в Душанбе прибыли поезда с ранеными, в город кинулись родственники. Положение создалось взрывоопасное. Но коммунисты и здесь нашли выход: легкораненых теперь демобилизуют и отправляют домой, а тяжелораненых грузят на самолеты и прямым путем в ГДР — уж там родственники до них не доберутся! А сколько их, родителей раненых и погибших в этой грязной войне? Всех ли их удалось запугать? Останутся ли они после перенесенного удара правоверными подданными и смогут ли коммунисты надеяться на их безгласность и покорность и впредь?

Афганская мясорубка пропускает и еще пропустит через себя тысячи и тысячи людей.

В какую сторону повернут затронутые ею в случае тех или иных событий в нашей стране — предсказать трудно.

Андрей Окулов

(„Посев“ № 7, июль 1980 г.)

Масев Раис Ислямович, 1959 г. р. Погиб в Афганистане.

Военный и политический пат

Положение в Кабуле

С конца мая началась оживленная боевая деятельность повстанцев в районе Кабула. Движение повстанцев к Кабулу началось не с юга, как можно было ожидать (на юге более сильные повстанческие позиции), а с севера и северо-запада. Оказалось, что для этого наступления были две предпосылки. Во-первых, бригада войск бабракковского „правительства“, расположенная в Хазаре, в полном составе, с вооружением перешла на сторону повстанцев. Во-вторых, повстанцы провели совет племен (так называемую джиргу), на котором было достигнуто соглашение о совместных военных действиях между племенами района Бамиан и района горных долин, тянущихся далее к югу. В результате 20 тысяч повстанцев стали угрожать Кабулу.

Командование оккупационных войск расположило в районе Кабула 4 дивизии и 2 500 танков, окружив город кольцом обороны. Бои и стычки происходили в 50 километрах

от города на десяти разных участках. Оборонительное кольцо было усилено артиллерией и ракетными установками. Воздушный мост для снабжения кабульской обороны боеприпасами был усилен. Авиация непрерывно бомбила повстанческие деревни, расположенные в долинах, и в десятых числах июня командование предприняло танковые вылазки на север.

В конце мая происходили новые демонстрации школьников и школьниц. Несмотря на то, что школы охраняются бабракковской полицией, школьницы гимназии Дюрани и гимназии Зорайя прорвали охрану и вышли на улицу. Школьники шли по улицам Кабула, крича: „Смерть Кармалю!“, „Смерть Брежневу!“, „Русские, уберите вон!“. Бабракковская полиция стреляла в демонстрацию. Было убито две школьницы и свыше шестидесяти ранено. Немецкий корреспондент Фредерик Смелът описывает демонстрацию, которая произвела на него большее впечатление, чем все остальные.

„Беспорядочно толпящиеся около детского сада, разноцветно одетые, большеглазые детишки, подталкивая друг друга и оглядываясь по сторонам, выкрикивали, точнее сказать, пищали: „Мы не будем пить молока, пока русские в Афганистане!“ Это происходило в предместье Кабула Кулула Пушта. Матери, сбежавшиеся со всех сторон, не без

гордости смотрели на своих малышей. Несколько полицейских с беспомощным видом стояли поотдаль”.

28 июля на одной из улиц Кабула был убит советский генерал, „прикомандированный” к министерству внутренних дел. Его главным заданием, как сообщают из кругов этого министерства, была организация шпионажа на афганско-пакистанской границе и управление пограничными войсками.

Военные итоги 7 месяцев

Сообщения об усилении деятельности повстанцев, конечно, еще не означают, что советские оккупационные войска начали проигрывать войну в Афганистане. Но и повстанцы ее не проиграли, и это уже их большой успех. За последний месяц положение существенно изменилось. Советские и бабракские войска ведут не отдельные редкие бои, а втянуты в непрерывные столкновения, которые имеют характер регулярной войны. Не только в горах и долинах, но и в городах, оккупационные войска и остатки афганской армии, постепенно попадают в трудное положение. Повстанцы, получающие пополнение и оружие из распадающейся афганской армии, все время вынуждают оккупационные войска к действиям, втягивают их в изнурительную повседневную борьбу.

Массивное применение техники приводит к разрушению населенных пунктов, к жертвам среди мирного населения, к новым и новым толпам беженцев. Но как только кончаются налеты авиации или вылазки танков, повстанцы, отошедшие в горы, снова просачиваются в долины, к дорогам, городам.

По мнению военных экспертов, для того, чтобы „замирить” страну, чтобы контролировать территорию, проведя предварительно генеральное наступление на все базы повстанцев, необходимо от 300 до 400 тысяч войск. В том числе дивизии, натренированные для ведения военных действий в горных местностях. Советское правительство, затеявшее эту авантюру, должно принимать решения. Требование Генштаба о вводе дополнительных ста тысяч войск было отвергнуто. Войну это бы не решило, а внешнеполитический эффект был бы резко отрицательным.

Борьба между оккупационными войсками и повстанцами идет не на равных. Повстанцы располагают винтовками, автоматами, пулеметами, минометами и ракетами. Все это — советского производства, добытое в боях или переданное повстанцам при переходе на их сторону частями афганской армии. Сведения о получении повстанцами современного оружия из-за границы, больше всего распространяемые советской пропагандой, — до сих пор не получили серьезных подтвержде-

ний ни со стороны самих повстанцев, ни со стороны наблюдателей.

Оценивая общее военное положение, сложившееся к концу 7-го месяца войны, можно характеризовать его как патовое.

Советские дивизии и бабраковские отряды держат под контролем Кабул, крупные города и важнейшие дороги. Они могут временно взять под контроль любой район страны. Ни один из главных городов 26 провинций Афганистана не находится прочно в руках повстанцев.

С другой стороны, в распоряжении повстанцев находятся значительные территории страны и движение сопротивления обуславливает положение пата (понятие из шахматной игры, когда игрок не может сделать хода, не подставив под удар своего короля). Повстанцы не могут прочно захватить определенную территорию, в частности, для размещения там правительства и централизованной организации военных действий; оккупанты, совместно с бабраковскими квислингами, не в состоянии удушить сопротивление.

По мнению западных военных специалистов, такое положение будет продолжаться до тех пор, пока Советский Союз или значительно увеличит численность оккупационных войск, или вовсе их выведет.

Разложение режима Бабрака Кармаля

Бабраковское радио сообщило, что „революционный суд” приговорил к смертной казни десять ближайших сотрудников Амина. Среди них — бывший начальник госбезопасности, полицейские чины и начальники тюрем. Затем были расстреляны министры из правительства Амина — планирования, почты и по делам племен. Сколько бывших аминовцев расстреливают без суда — неизвестно. Но не в этом дело. По приказу советских эмиссаров, Бабрак, принадлежащий к фракции „Парчам”, должен был привлечь к сотрудничеству и фракцию „Халк”, одним из лидеров которой был Амин, да и расстреливаемые играли в ней немалую роль. Вошедшие в „правительство” и аппарат Бабрака халкисты начали борьбу, в частности, им удалось отвоевать какие-то позиции в остатках афганской армии. Халкисты занимают свою собственную позицию, несколько отмежевываясь от оккупантов. Как-никак, а те расстреляли их шефа.

Попытки многочисленных московских „советников” сколотить вместе хотя бы эти две коммунистические группировки ни к чему не приводят и борьба между ними продолжается. Естественно, что это рано или поздно должно было привести к открытому столкновению. Оно и произошло в июле.

На улицы Кабула были выведены советские танки, все мосты взяты под усиленную охрану. Бабрак „реформировал” свое „правительство”. Его заместитель Сарвар был увезен в Москву „на лечение”, под охрану своих друзей и коллег из КГБ. Три министра (внутренних дел, связи и транспорта) — все халкисты — были арестованы. Новых министров Бабрак назначил из своих сторонников-парчистов. В течение нескольких ночей на улицах Кабула происходила стрельба — столкновения между сторонниками враждующих группировок. 14-ая танковая дивизия — одна из немногих частей афганской армии, сохранивших боеспособность и сравнительно хорошо вооруженная, начала восстание, захватив главный провинциальный город, гарнизон которого перешел на сторону восставших.

Советское командование, боясь, что дивизия со всем вооружением перейдет на сторону общенародного восстания, и отдавая себе отчет в том, что афганские части не могут справиться с подавлением восставшей дивизии, двинуло из Кабула оккупационные войска. В операции принимали участие крупные танковые части и большое число вертолетов, главной задачей которых было уничтожение вооружения, чтобы предупредить передачу его партизанам, оперирующим в провинции. Бои продолжались в течение недели.

Действия против гражданского населения

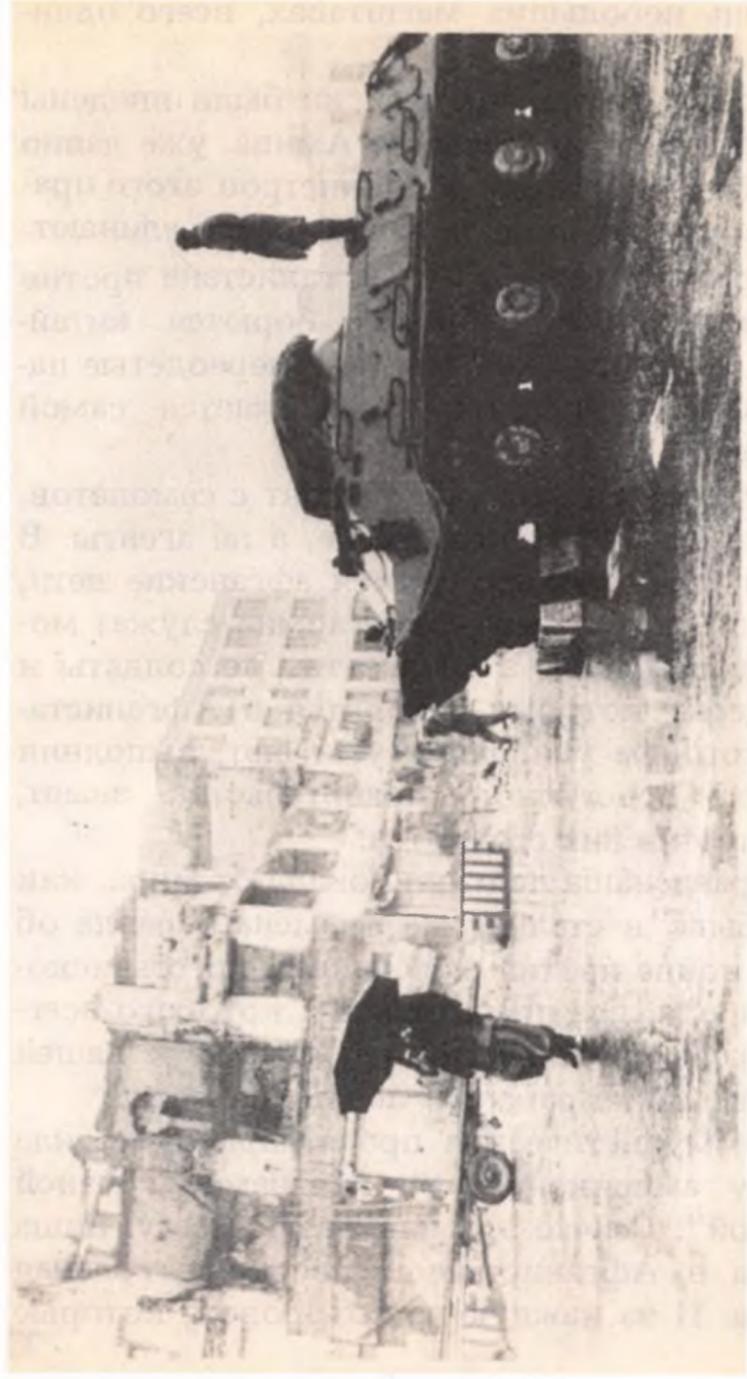
С первого июля оккупационные войска с целью затруднить связь повстанцев между собою и с Пакистаном приступили к минированию горных дорог — как ведущих из Афганистана в Пакистан, так и соединяющих разные провинции.

С вертолетов сбрасывают также небольшого размера мины, замаскированные под плоские камни, пачки денег, карманные фонарики, детские игрушки. Эти мины поражают прежде всего гражданское население, детей. В Пешаваре (Пакистан) в один из госпиталей уже поступили беженцы, пострадавшие от этих мин. Среди них — 12-летний мальчик, которому оторвало ногу, когда он толкнул ею игрушечного попугая-мину. В настоящее время на территории Пакистана насчитывается около миллиона беженцев. Немало афганцев бежало также в Иран.

„Грязная война”

Советская пресса, следуя своему обычаю, дезинформирует или вообще не информирует народ о происходящем в Афганистане.

Версия о том, что надо было вводить войска в Афганистан, чтобы предотвратить вмешательство извне, долго не проживет. Оказание помощи повстанцам началось, да и то

Кабул. На этом доме был вывешен лозунг „Смерть оккупантам“, после чего его обстреляли из танков. (Фото AP)

в очень небольших масштабах, всего один-два месяца назад.

Версия о том, что войска были введены по просьбе правительства Амина, уже давно разоблачена как ложь. Министров этого правительства до сих пор еще расстреливают.

Версия о том, что в Афганистане против „правительства Бабрака” борются китайские, американские агенты и переодетые пакистанские солдаты, разоблачается самой жизнью.

В деревнях, которые бомбят с самолетов, живут афганские крестьяне, а не агенты. В кабульских школах учатся афганские дети, а не агенты. В афганской армии служат молодые афганцы, а не агенты. Те солдаты и офицеры, которые находятся в Афганистане, которые убивают и умирают, выполняя приказ преступного правительства, знают, кто против них сражается.

Страна наша не изолирована от мира, как это было в сталинские времена. Правда об этой войне против маленького крестьянского народа, все правительства которого всегда были лояльны по отношению к нашей стране, станет рано или поздно известна.

Коммунистическая пропаганда окрестила войну американцев во Вьетнаме „грязной войной”. Сейчас это как раз к месту. Наша война в Афганистане — позорная, грязная война. И за каждую из похоронок, которые

сейчас приходят в мирные дома нашей страны, ответят те, кто эту войну затеял.

Позиция советского правительства

Никакого вразумительного объяснения — зачем нужна была афганская авантюра — советское правительство не дает. На июньском пленуме ЦК Брежнев заявил, что „у нас не было другого выхода, как послать войска, и события подтвердили, что это было единственно правильное решение”. Но события показали, что это „единственно правильное решение” привело к войне против афганского народа, войне которая длится уже 7 месяцев.

Единственное обоснование, данное на том же пленуме ЦК, это — сближение „американских империалистов” с „китайскими гегемонистами”, что создало новую, опасную ситуацию в мире. Но это обоснование — ложное. Быстрое, в частности и военное, сближение США и коммунистического Китая началось после вторжения в Афганистан, а не до него. Обострение международного положения и удар по „политике разрядки”, о чем идет речь в резолюции пленума ЦК по международному положению, опять-таки были следствием вторжения в Афганистан, а не причиной.

Советское правительство выдвигает идею „политического решения”, чтобы выйти из сложившегося положения. Это „решение” сводится к тому, что США, Пакистан и Иран должны признать оккупацию Афганистана правильной, гарантировать международное признание бабракловской коммунистической клики и отказать не только в материальной, но и в моральной поддержке партизанскому движению афганского народа. Это — сущность майских предложений так называемого кабульского правительства.

Выяснилось, что никаких шансов на принятие этого „предложения” нет. Оставаясь на тех же позициях, советское правительство объявило о выводе „части войск” из Афганистана, поскольку, как сказал на пленуме ЦК Брежнев, „большая банда контрреволюционеров” уничтожена и положение „постепенно нормализуется”.

„Частичный вывод” войск был подан пропагандистски как внутри, так и вне страны. По советскому телевидению демонстрировали „благодарное афганское население”, прощающееся с уходящими войсками, а в личном письме Жискару Брежнев изобразил это как „добрую волю Советского Союза”. Но, как быстро выяснилось, никакого вывода войск не было, а была смена частей. Понимая, что вывод войск означал бы конец режима, держащегося только на советских

штыках, „Правда” ясно выражает желание советского правительства: не нейтральный Афганистан, а Афганистан, входящий в советский блок, при коммунистической в нем диктатуре.

Позиция Запада

Несмотря на то, что Жискара и Шмидт пытаются играть роль „мостостроителей” и стараются выиграть для Советского Союза время, необходимое ему для „переваривания” проглоченного куска, политическая ситуация для СССР не изменилась существенно к лучшему.

США и КНР, с одной стороны, и большинство мусульманских стран (в первую очередь Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и Египет), с другой, не намерены примириться с захватом Афганистана. Моральная поддержка афганскому народу продолжается (военная, судя по всему, отсутствует, несмотря на утверждения „Правды”).

Комиссия, выделенная Конференцией мусульманских стран для „решения афганского вопроса”, как мы уже сообщали, открыто признала представителей повстанческого движения в Афганистане как одну из договаривающихся сторон, что политически тоже подрывает позиции Советского Союза.

Таким образом, не только в военной, но и

в политической области создалось упоминавшееся уже патовое положение.

Между тем, кормить собственное население дешевыми пропагандными версиями становится все труднее и труднее. И не случайно поэтому в „Правде” появился новый мотив: мы, дескать, понимаем, что ввод войск в чужую страну нынче в мире непопулярен, но если мы хотим оставаться „великой державой”, мы должны принимать и непопулярные решения!

Нет, товарищи из „Правды”, величие нашей державы должно проявляться не в агрессиях, не в подавлении силой оружия других народов. Это ничего, кроме ущерба нашей державе и бед нашему народу, не принесет. Главная задача наша сегодня — навести порядок в собственном доме.

(Из „Посева” №№ 7-9, 1980 г.)

Ввод новых войск

150 000 советских войск

К середине 1980 года — по сведениям из разных источников — советских войск в Афганистане насчитывалось 90-95 тысяч. Кроме того, непосредственно у границы, в районе Термеза, где находится главное командование „афганской операцией“ под начальством маршала Соколова, было расположено еще 25 тысяч. В течение июля, августа и сентября происходила непрерывная переброска войск, легких танков и бронетранспортеров. Войска перебрасывались малыми группами как по дороге Термез-Кабул, так и по воздуху. Кабульский аэродром по числу садящихся и взлетающих самолетов ничем не отличался от большого международного аэропорта. От шума вертолетов в городе часто приходится кричать, чтобы собеседники слышали друг друга.

В результате этой „тихой интервенции“ число советских войск в Афганистане доведено сейчас до 150 тысяч. Только в Кабуле

и вокруг Кабула находятся 65 тысяч. Заявление Брежнева об отводе „части контингента” было ложью. Впрочем, лжива вся информация советского правительства о событиях в Афганистане.

Ниже мы приводим данные о расположении и численности советских оккупационных войск в Афганистане.

Насел. пункты	Кол-во советских войск	Кол-во афг. правит. войск
Кабул	15 000	10 000
Баграм и окрестности		
Кабула (Баграм — самая крупная авиабаза)	50 000	50
Кундуз		1 500
Баглан	10 000	500

(В Баглане — вертолетная авиабаза. Эти две базы контролируют северо-восточный район Афганистана, включая территорию у китайской границы. На дороге между Кундузом и Багланом большое количество танков.)

Мангал	советники	1 000
Джази	советники	1 000
Крандиз	3 000	1 000

(В Крандизе — вертолетная авиабаза. Все

3 базы — форты. Окружающие районы находятся под контролем повстанцев, которые атакуют колонны снабжения.)

Джалалабад	6 000	2 000
(авиабаза вертолетов, танки)		
Ургун	советники	2 000
Херкут	советники	500
Кандагар	15 000	3 000
(Кандагар — одна из самых крупных баз; самолеты и вертолеты.)		
Мазари-Шариф	20 000	
Шибарган		3 000
(вертолеты, самолеты, танки)		
Герат	15 000	500
Шинданд	19 000	50

Афганская „правительственная” армия прекращает существование

В то время как численность советских оккупационных войск увеличивается, численность афганских „правительственных” войск уменьшается. Во время диктатуры Амина афганская армия насчитывала около 100 тыс. человек. Но с началом оккупации начался и развал армии. За 8 месяцев дезертировало, перешло на сторону повстанцев или погибло в столкновениях с оккупационными войсками свыше 70 тыс. солдат и офи-

церов. Расположение остатков „правительственных” войск (всего около 30 тыс.) приведено выше.

Но и эти части ненадежны. Поэтому состоявшееся в августе в Кабуле военное совещание советского командования, изучавшего сложившееся положение, вынесло решение о частичном разоружении афганских „правительственных” войск. Афганские части должны сдать все противотанковое и зенитное оружие. Официальная мотивировка — у повстанцев нет ни танков, ни авиации. В действительности эта мера принята потому, что переходящие на сторону повстанцев „правительственные” части передают это оружие повстанцам. В последних боях повстанцы все чаще применяют против советских танков и авиации советское же оружие, полученное таким путем.

Таким образом, по замыслу советского командования афганская „правительственная” армия прекращает свое существование и превращается во вспомогательные полицейские карательные части.

Большое наступление

По сообщениям из Кабула, советские войска совместно с правительственной „милицией”; начали большое наступление на долину Панджшер, расположенную в 130 км север-

нее Кабула. До сих пор оккупационные войска не входили в этот район. Его стратегическое значение очень велико. Повстанцы, опираясь на этот район как на базу, могут вести нападения на Кабул, военный аэродром Баграм, на дорогу Кабул-Термез, на Салангский туннель.

Объем военных действий был самым большим с начала оккупации. Впервые принимали участие специально обученные части. Однако после почти четырехнедельных боев советские войска вынуждены были отступить, понеся большие потери. Повстанцы уничтожили 35 танков. Потери советских войск убитыми исчисляются в 700-800 человек. Ряд деревень разрушен бомбардировками. Повстанцы утверждают, что потеряли 150 человек. Было много убитых и раненых среди гражданского населения. К концу сентября советские части были отведены к Кабулу, и повстанцы снова заняли свои позиции в долине Панджшер.

Кабульское радио сообщило о боях „правительственных войск” с повстанцами и о больших потерях повстанцев. При этом в сообщении упоминается Баграм, лежащий вне долины Панджшер, что свидетельствует о продолжении боев уже после отступления советских войск. Кроме того, в кабульском сообщении говорится о боях в провинциях Парван и Гор.

Во время этих боев впервые повстанцами был сбит советский бомбардировщик типа МИГ-21. Кабульское правительство подтвердило гибель самолета вблизи Кабула. Причина гибели не указана, но скрыть сам факт было нельзя, так как самолет при падении разрушил ряд домов.

Три решающих фактора

В Афганистане сегодня на ход событий влияют три силы: 1) кармалевский коммунистический режим; 2) народное повстанческое движение; 3) советские оккупационные войска и советская администрация.

Коммунистический режим, посаженный чужой военной силой, не имеет никакого влияния в народе. Привести себе в подчинение страну он не может даже при массовой поддержке оккупантов. Религиозная и племенная структура афганского общества не позволяет „насадить” испытанным методом „народную демократию”.

Повстанческое движение не располагает ни финансовой, ни военной, ни политической, ни нравственной поддержкой Запада и мусульманского мира в таком объеме, в каком это необходимо, чтобы начать наступление на оккупационные войска. При сегодняшнем состоянии Западного мира и на горизонте не видно такой поддержки.

Советские оккупационные войска не могут в своем нынешнем составе добиться решительного военного перелома и овладеть страной. Но советское правительство — единственная сила, которая может создать для этого необходимые предпосылки. Беспощадное разрушение городов и деревень, поголовное истребление афганского народа — вот путь покорения страны. Советская диктатура имеет богатый опыт в делах такого рода и не знает никаких нравственных ограничений. А, значит, — она может пойти по этому пути в любой момент.

Куда это приведет?

Мы повторим то, что уже говорили: каждый новый шаг агрессии приближает мировую войну.

(Из „Посева“ № 10, октябрь 1980 г.)

Пресс-конференция НИФА и НТС в Мадриде

5 ноября в международном пресс-клубе в Мадриде состоялась пресс-конференция Национального исламского фронта Афганистана (НИФА) и Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС). На пресс-конференции присутствовали представители крупнейших пресс-агентств (ЮПИ, АП, Рейтер, ДПА, АДН, Франс пресс, Синьхуа и испанское ЭФЭ) и главных газет Западной Германии, Англии, Бельгии и Испании; радиотелевизионных компаний Испании, Италии, Англии, ФРГ и Америки; а также газет и журналов из Франции, Южной Америки, Голландии, Дании. Были приглашены также представители советской и восточно-европейской прессы.

Пресс-конференция, устроенная мадридским представительством НТС, имела своей целью ознакомить корреспондентов, и через них мировую общественность, с положением в Афганистане и с откликами из России по поводу этой кровавой войны. От имени НТС выступал Г. Бонафеде, руководитель мад-

ридского представительства НТС, от имени НИФА — председатель НИФА Саед-Ахмет Гайлани.

Гайлани — духовный руководитель многих афганских племен. Как потомок пророка Мухаммеда, он возглавляет всех мусульман-последователей суфизма, которых насчитывается свыше 30 миллионов, разбросанных по всему исламскому миру (главным образом в Афганистане, Пакистане, Индии, Индонезии и Кувейте).

В 1978 году, после апрельского переворота, Гайлани начал активную политическую деятельность. В апреле 1979 г. он создал НИФА и стал его председателем, а в июне того же года объявил всеобщую священную войну („джихад“) за освобождение Афганистана.

Надо отметить, что структура сопротивления в Афганистане существенно отличается от имевших место партизанских движений в Европе. Эта структура определяется племенным составом населения Афганистана. Повстанческие отряды или соединения формируются по племенному принципу и действуют в своих районах. Перемещение, снабжение, наблюдение — все это базируется на связях того или иного племени. Поэтому и руководители повстанческих отрядов, в большинстве случаев — бывшие офицеры афганской армии, принадлежат к тому пле-

мени, из которого сформирован отряд.

Действиями военных сил НИФА руководит военный Совет, состоящий из 16 человек, под председательством Хасана Гайлани. Сам Хасан Гайлани командовал повстанческим отрядом, ведя борьбу против режима Таракки, а потом против режима Амина. Обладая большим опытом и авторитетом, он, после вторжения советских войск, был избран командующим всех вооруженных сил НИФА. Хасан Гайлани — племянник Саед-Ахмета Гайлани, руководителя Национального исламского фронта Афганистана.

Сегодня НИФА насчитывает в своих рядах свыше 120 000 повстанцев и является единственной повстанческой группой, располагающей вооруженными силами по всему Афганистану и способной к повсеместным боевым действиям. В руководящие органы НИФА входят также бывшие государственные деятели: министры, дипломаты и военные.

Выступление Саеда-Ахмета Гайлани

В своем выступлении Гайлани сказал, что Советский Союз сегодня держит в Афганистане 120 000 солдат. Состав этих вооруженных сил менялся. Поначалу многие были из Средней Азии, но скоро их стали заменять из-за неблагонадежности.

Сменившие их, более проверенные и опытные военнослужащие, также не проявили особой решительности и настойчивости, главным образом, по словам Гайлани, из-за того, что „у советских солдат нет желания воевать”. Несмотря на все попытки советского командования раздавить повстанцев, — сказал Гайлани, — НИФА не только продолжает свои боевые действия, но и усиливает „идеологическую” сторону своих операций: „НИФА распространяет тысячи листовок на русском языке во многих больших городах Афганистана (см. тексты листовок на стр. 88 и 99). Одни листовки подписаны НИФА, другие — НТС, организацией российской политической оппозиции. Уже сегодня в рядах НИФА сражаются 60 бывших советских солдат”.

На вопрос, сколько жертв стоила эта война российским народам, Гайлани ответил, что если во время его прошлой поездки по Западной Европе, в июне 1980 г., он говорил о 8-10 тысячах жертв, то сейчас можно с уверенностью сказать, что советские потери ранеными и убитыми составляют не менее 15 тысяч человек. Эти цифры, которые западная пресса в свое время считала преувеличенными, подтвердились и подтверждаются сообщениями из Афганистана и из Советского Союза. „Например, — сказал он, — медсестра, работающая в одном

из госпиталей Кабула, сообщила нам, что за одну неделю умирает от 25 до 50 солдат только в этом госпитале. Туда разрешается помещать также и офицеров афганской армии, но только высших, так как госпиталь переполнен”.

Советский режим, по словам Гайлани, стоит перед неотложным решением: или наводнить Афганистан советскими солдатами, — послав туда не менее 250 тысяч человек, — или идти на переговоры. Но в то время как западные политики считают, что на советское решение можно воздействовать „путем западных санкций и политического давления”, афганцы считают, что „когда советское руководство не спит по ночам, то оно думает об афганских повстанцах, а не о том, кто будет или не будет продавать ему пшеницу! Оно озабочено тем, как утаить от собственного народа свои потери в Афганистане”.

Затем Гайлани кратко рассказал о военных действиях НИФА. Так, например, в Кабуле был взорван главный нефтяной склад и убит советский генерал, начальник КГБ в Афганистане. Кроме того, повстанцами было убито свыше 1200 ответственных работников афганской компартии, что ставит режим в очень трудное положение. НИФА держит сейчас под своим контролем многие районы Афганистана (часть провинций Газни, Пак-

тия, Вардак, а из северных провинций в большинстве или полностью контролирует провинции Пактика, Парван, также часть западных провинций) и даже пригороды Кабула. „В этих районах НИФА вершит правосудие, собирает добровольные налоги, определяет цены на продукты питания и этим сдерживает спекуляцию”.

По просьбе западных корреспондентов Гайлани описал два боя, имевших недавно место. Так, в конце октября, у поселка Мокора по дороге Кабул — Кандагар, во время внезапного нападения повстанцев погибло 600 афганских и советских солдат и уничтожено 27 бронетранспортеров. А в конце сентября повстанцы, получив от своих друзей в афганском правительстве сведения о предстоящем продвижении советской части через Урузганскую долину, заминировали ее. В ней погибло несколько сот советских солдат, уничтожено много бронетранспортеров. Генерал, командовавший этой частью, убит.

Не имея возможности уничтожить повстанцев, советские оккупанты концентрируют действия на сельскохозяйственные районы страны, отравляют химическими препаратами посевы и пытаются таким путем лишить повстанцев продовольственной базы.

Документы НТС

От имени НТС было роздано заявление Исполнительного бюро Совета НТС о вторжении в Афганистан (см. „П о с е в” № 2, 1980 г.), листовка НТС (см. „П о с е в” № 9, 1980 г.), плакат НТС с призывом к советским солдатам и документ „Информация об Афганистане, полученная из Советского Союза”. В последнем документе, составленном на базе сведений из Советского Союза, поступивших в оперативный штаб НТС, подтверждаются сообщения о том, что в начале войны в Афганистане в советских войсках было много таджиков и солдат из других национальных меньшинств, по языку близких к афганцам. Вторжение готовилось заранее, это подтверждается тем фактом, что приблизительно за полгода до этого в Ашхабадском университете был проведен опрос всех студентов, знающих или изучающих языки и наречия Афганистана.

„Но быстро распространились слухи, — говорится в документе, — о неблагонадежности солдат из Средней Азии. Из Душанбе сообщают, что многие таджики гордятся их братьями по крови, которые оказывают сопротивление такому сильному противнику... Сейчас, говорят, посланные войска укомплектованы украинцами, белорусами и великороссами”.

Общее отношение к войне в Афганистане среди населения недоброжелательное. Вторжение в Афганистан критикуется даже в партийных кругах и часто задается вопрос: „Зачем это нам было нужно”? Повсюду боятся возможного возникновения „большой войны”. Хотя распространен и такой взгляд: „Если бы не мы, то Афганистан захватили бы американцы и китайцы”.

Документ сообщает также о больших потерях в Афганистане и о перевозе убитых в цинковых гробах с надписью МО СССР (Министерство обороны). Сведения об этом были получены в феврале из Душанбе, Эстонии и Осетии, в мае из Ленинграда, в июле из Орши, Витебска, Донецка. Часто перевозят гробы по железной дороге Ташкент -- Челябинск -- Свердловск.

О раненых сообщают: „В Ташкенте госпитали полны. В Душанбе одна часть городской больницы конфискована военными. Много раненых офицеров лечится в ленинградском военно-морском госпитале. Один врач, после трехмесячного пребывания в Афганистане, рассказывал как он работал у операционного стола по 16 часов в сутки. Медицинский персонал вербуют повсеместно”

В документе также говорится, что настроение войск в Афганистане подавленное. Свежеприбывшие настроены более воинственно, но и их настроение быстро меняется.

Офицеров, как и медицинский персонал, привлекают высокой зарплатой. Как рассказывает недавно вернувшийся из Афганистана офицер, „каждый месяц считается за три, и поэтому в среднем офицер получает в месяц 750 рублей вместо 250”.

После выступления Саеда-Ахмета Гайлани и ознакомления с розданными документами, наступила минута молчания — его заявление произвело на всех присутствующих большое впечатление. Потом начали задавать вопросы, касающиеся главным образом видов помощи, в которой нуждаются повстанцы для увеличения боеспособности и большей подвижности их отрядов, и т. д.

Гайлани заявил, что никакого военного вмешательства со стороны Запада афганцы не хотят. Он сказал: „Освободить нашу страну мы можем своими силами, но мы нуждаемся в оружии, особенно в противотанковом и противовоздушном, а также в моральной и политической поддержке”.

Ник. Петров

(„Посев” № 12, декабрь 1980 г.)

*Афганские повстанцы на трофейном бронетранспортере.
(Фото AP)*

Обращение НИФА к советским оккупационным войскам

Корреспондентка Ассошиэйтед Пресс Эдит Ледерер после командировки в Афганистан поместила заметку в „Геральд трибюн” (от 12 июля). Она сообщает, среди прочего, что в течение последних месяцев группы афганских повстанцев переносят активные действия из районов, пограничных с Пакистаном, непосредственно в Кабул. Повстанцы начали распространять среди населения листовки, которые печатают в небольших подпольных типографиях. Некоторые группы повстанцев обратились также к оккупационным войскам с листовкой на русском языке (рядом с русским текстом — текст на языке пушту). Журналистка пересказывает их содержание.

Ниже мы приводим полный текст этой листовки.

С того дня, как в нарушение принципов Устава ООН и международных норм правительство СССР послало вас в Афганистан для позорного подавления афганского национального восстания, мусульмане Афганистана испытывают все больший и больший гнев и ненависть по отношению к вашему правительству и к вам, оккупационной армии.

Теперь вы видите, что афганский народ полон решимости отразить вторжение советских захватчиков и освободить свою страну, изгнав всех оккупантов любой ценой; жертвами каждого гражданина нашей родины, которая всегда была и будет независимой. Будьте уверены, что в этой стране вам никогда не удастся выполнить колониалистские планы вашего правительства — наш героизм хорошо известен всему миру, и вам тоже. Наша страна всегда становилась кладбищем для иностранных оккупантов, и советских агрессоров постигнет та же судьба. Не обманывайтесь своим успехом в войне против германских нацистов: там вы вели справедливую войну, здесь же справедливую войну ведем мы! Вы, солдаты и офицеры, не имеете права быть на нашей земле, вас никто не приглашал и вы здесь ненавистны.

Вы прекрасно знаете, что мы никогда не подчинимся социал-империалистическим амбициям ваших правителей. Черпая силы в своей национальной гордости и ревностной исламской вере, мы уже дали вам тот же урок, какой другие оккупанты получили здесь еще до вас. Начиная с момента вторжения в нашу страну 24 декабря 1979 г. и до начала апреля 1980 г., советские оккупационные войска потеряли около 8000 человек убитыми и ранеными. Однако до сих пор вы испытали лишь малую долю того,

что вас ожидает, если вы не уйдете с нашей земли.

Мы никогда не вторгались в вашу страну, мы всегда относились к советскому народу с чувством уважения и дружбы. Однако ваши правители используют вас в целях нарушения нашего национального суверенитета и независимости. Тем самым они нанесли серьезный ущерб традиционной дружественности, существовавшей между нашими народами. Мы хотим, чтобы вы осознали опасность; мы хотим, чтобы вы прекратили незаконную оккупацию и ушли из Афганистана немедленно и без каких бы то ни было условий.

په افغانستان کې د شوروي اتحاد د اشغالګرو
قواو په نوم
پهغلام

له هغې ورځې را هېسې چه تا سي خپل حكومت د تحا وړ كارانه
ما موريت د پاره د افغانستان د ننگيا لي ولس د ملي صياح سرچ د
بي شرمانه مقابلې د پاره د ملګرو ملتو د مشور او بين المللي موازنو

Афганский народ категорически отказывается признать предательскую клику „Кхалк” / „Парчам” (Тараки, Амин / Бабрак Кармаль), марионеточное правительство которой было навязано афганцам советским режимом. Мы хотим и будем иметь правительство по нашему собственному выбору. И мы не нуждаемся в вашей помощи:

мы прекрасно можем отстоять наш национальный суверенитет и территориальную неприкосновенность сами.

Мы предупреждаем советскую армию: отнеситесь к нашему заявлению серьезно и прекратите дальнейшее кровопролитие. Мы настоятельно призываем советское командование пощадить жизни своих граждан-солдат. Мы хотим, чтобы вы ушли из Афганистана и оставались за его пределами. Мы не советуем вам втягиваться глубже в эту трясину — затяжную войну, которая затмит и заставит забыть войну во Вьетнаме.

Это дело вооруженных сил советских социал-империалистов — решить, продолжать ли агрессию и стать лицом к лицу со всеми ее последствиями, или же уйти из Афганистана без всяких условий.

*Национальный Исламский Фронт
Афганистана*

(„Посев” № 8, август 1980 г.)

У нас общий враг — коммунистическая диктатура

Беседа Саед-Ахмета Гайлани, руководителя Национального исламского фронта Афганистана, с представителем „Посева“ 10 июля 1980 г.

— Господин Гайлани, удовлетворены ли Вы Вашими встречами в Европе и, в частности, конференцией исламских государств в Швейцарии*, в которой Вы принимали участие?

— Разумеется, эта конференция, как и наша предыдущая встреча в Исламабаде, была весьма и весьма полезна. Это, несомненно, еще один шаг вперед в деле углубления взаимопонимания и поиска путей для поддержки наших афганских сил, стремящихся к устранению марионеточного режима Кармаля.

* Конференция в Швейцарии была в июне 1980 г.; ее созвала комиссия, выделенная на Исламабадской конференции для решения „афганского вопроса“.

— Хотелось бы знать побольше о роли в Ваших исламских встречах мусульманской республики Ирана и, в частности, его министра иностранных дел Готбзаде.

— Роль иранской делегации в наших переговорах была, безусловно, положительной. Готбзаде проявил на них понимание нашего дела и той опасности, которую представляет советская оккупация Афганистана как для его непосредственных соседей, так и для всего свободного мира.

— На какие силы в Европе Вы рассчитываете как на возможную помощь в вашей борьбе?

— Это трудный и сложный вопрос. Правительственные круги в европейских странах проявляют здесь, мне кажется, чрезмерную осторожность и склонны уклониться от прямой поддержки наших повстанцев, предоставляя это США и мусульманским странам. В среде свободной европейской общественности, однако, мы встречаем большое сочувствие и готовность поддержать нашу борьбу. Мы будем рады завязать контакты и принять поддержку общественных демократических сил в Европе, независимо даже от того, какую позицию занимает то или иное правительство. Я, кстати сказать, беседовал в Англии, Франции и Германии с видными представителями этих стран, а также с председателем Европейского парламента г-жой Симоной Вайль, и встретил с их стороны

весьма понимающее и благосклонное отношение, так что препятствий на пути к поддержке нас общественными силами нет никаких. Мы были счастливы приветствовать у нас в Пешаваре представителя немецкого Общества защиты прав человека (ФРГ), вручили ему информацию о нарушениях гражданских прав марионеточным правительством Кармаля и будем усиленно развивать контакты этого рода.

— До коммунистического переворота Афганистан был нейтральной державой, да и после переворота он, по меньшей мере, формально входил в число так называемых неприсоединившихся держав. Должна ли, по Вашему мнению, ваша страна оставаться неприсоединившейся и после освобождения от оккупационного режима?

— Наша страна должна прежде всего стать снова независимой. В качестве независимой державы она имеет право сама выбирать своих друзей. В первую очередь она выберет, разумеется, тех, кому будет благодарна за помощь в лихую годину. Будучи независимой, она может стать и в самом деле неприсоединившейся — в полном смысле этого слова.

— Как Вы представляете себе отношение Афганистана к СССР?

— Мы совершенно ясно делаем различие между народами и их правительствами. Мы против государственной системы, приведшей

к оккупации нашей страны и угнетению нашего народа. Мы не верим в благотворность коммунистической идеи ни для нас, ни для русских. Мы хотели бы иметь добрые отношения с нашим великим северным соседом и уверены, что не будь коммунистической диктатуры — эти отношения были бы хорошими.

— Можно вполне понять, что в афганском народе существует сейчас ненависть к русским. Можно ли будет после всего, что происходит в последние месяцы, преодолеть антагонизм между нашими народами?

— Для некоторых это будет, вероятно, нелегко. Партизанская война, которую мы ведем, — жестокая война, и неудивительно, если наши действия вызывают ожесточение и среди русских солдат в Афганистане. В глазах афганского повстанца даже самый простой и ни в чем не виновный советский солдат — представитель ненавистного нам правительства Кармаля и защищающих его оккупантов. Эсцессы в борьбе не на жизнь, а на смерть, с обеих сторон неизбежны, но они не должны изменять нашу принципиальную установку: мы боремся против оккупации и опирающегося на нее коммунистического режима. Мы против советской оккупации, но не против советского народа. Мы на собственном опыте научились делать различие между коммунистической диктатурой и

угнетаемым коммунистами народом. Мы ненавидим КПСС, но с населяющими Россию народами хотим жить в мире и дружбе. И, видя вас, надеемся, что русские тоже это понимают.

— Какова ориентация Вашей организации в исламском мире?

— Исламский мир един в своей непоколебимой вере в Аллаха и в признании принципов Корана, но политически он состоит из многих и очень разных государств.

Возглавляемая мною организация ориентируется и опирается прежде всего на две глубоко мусульманские державы, на Пакистан и на Саудовскую Аравию.

— А как Вы смотрите на коммунистический Китай, который тоже ведь участвует в теперешней сложной борьбе в Афганистане?

— Коммунистическая КНР со всей решительностью выступает, как хорошо известно, против советской оккупации Афганистана и оказывает прямую поддержку маоистским коммунистическим повстанцам в северо-восточной части Афганистана. Кроме того, у китайцев хорошие отношения с Пакистаном, который они поддерживают деньгами и оружием.

— Ваши борцы согласились принять листовки НТС с обращением к советским военнослужащим и доставить их по адресу. Чем они руководствуются, принимая на себя этот риск?

— Ответ прост: нашими общими интересами. Мы, как и вы, хотим, чтобы русские люди знали правду, чтобы они поняли, на какое гнусное дело ведет их советское командование. И чтобы они могли сделать свои собственные выводы.

Мы — за свободный Афганистан. Вы — за свободную Россию. И мы, и вы за свободу России и Афганистана. Не за коммунистический интернационал, а за непринужденную и подлинную дружбу между народами. Передавая ваши листовки, наши борцы служат общему делу.

Смею вас уверить, что я объясню это своим людям.

(„Посев“ № 9, сентябрь 1980 г.)

Он тоже защищает свою страну. (Фото АР)

Листовки НТС в Афганистане

Корреспондент английской газеты „Дейли телеграф“ Роберт Мосс в номере от 30. 6. 80 сообщает, что в Афганистане распространяется обращение к советским военным, подписанное русской организацией НТС. Ниже мы публикуем текст этого обращения.

Воины! Солдаты! Офицеры!

Русские, эстонцы, армяне, таджики — все народы России разделили горькую судьбу: называться „советским“ народом и лишиться права управлять собственной страной. 60 миллионов жертв кровавых репрессий положено нами всеми в братскую коммунистическую могилу за эти шесть десятков лет. Теперь вы посланы с оружием в руках, чтобы втянуть в эту могилу еще один народ — афганский. И для него неважно, какой национальности каждый из вас, — на вас одна форма, одна пятиконечная звезда; вы для него — враги, оккупанты. И вы хорошо это видите сами: по открытой враждебности афганцев, которые вас не „приглашали“ бомбить и выжигать их деревни; по парти-

занским засадам на дорогах, по растущему числу убитых наших солдат.

И — тоже одинаковые — приходят в русские, грузинские, туркменские дома похоронки... И одинаково горе матерей.

Мы — российская политическая организация НТС — не отделяем себя от вас. То, что выпало на долю вам, солдатам, — выпало на долю всей нашей стране. От ее имени послали вас завоевывать чужие земли. И каждый, кто считает ее своей родиной, — разделяет ответственность за происходящее. Поэтому давайте думать вместе, как нам быть.

Оккупация Афганистана резко ухудшила международное положение и позиции нашей страны. Советские войска введены на территорию размером больше Украины, с непокорным 15-миллионным населением. Географические условия Афганистана благоприятны для ведения партизанской войны, и скорой „нормализации” ждать не приходится. К привезенному из Москвы „правительству” население Афганистана относится как к предателям. В партизанских условиях пленных афганцы не берут. Война затягивается, и число убитых и раненых достигло уже десятков тысяч. Положение со снабжением войск такое, что некоторые наши солдаты вынуждены „подкармливаться” на базаре, продавая собственные вещи.

Мусульманские страны, собравшись на

чрезвычайную конференцию, выразили свое возмущение оккупацией Афганистана. В них резко усилились антирусские настроения, прошли демонстрации под лозунгом: „Русские собаки, убирайтесь вон!“.

Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую агрессию СССР против Афганистана и требующую немедленного вывода войск. За резолюцию проголосовали 104 государства, в том числе Югославия, Иран, Ирак. Воздержались 18 государств, в том числе Румыния. Против резолюции голосовали только 18 стран — социал-герм с прихлебателями.

Нанесен удар по торговым, техническим и культурным связям со странами Запада. Афганская авантюра нанесла смертельный удар по разрядке международной напряженности. Вера в возможность мирного сосуществования с режимом КПСС подорвана, и теперь, когда под угрозу поставлены жизненно важные для Запада нефтяные источники этого района, затормозить рост вооружений США и НАТО не удастся никакими „красивыми словами“. Укрепилась связь США, в последние годы сильно ослабшая, с такими сюзниками, как Япония, Турция, Греция, Египет; увеличена военная помощь этим странам. США считают, что политика разрядки не может проводиться в одной части мира и грубо нарушаться в другой.

Очень медленно развивавшееся сближение США и Китая, которое до сих пор ограничивалось технической помощью, стало развиваться ускоренно. Визит американского министра обороны в Китай — это начало американо-китайского *военного* сотрудничества.

Такова цена, заплаченная нашей страной за оккупацию Афганистана. Уже сейчас ощутимой тяжестью она легла на плечи нашего народа. Ухудшилось положение с продовольствием, усилилась неразбериха в экономике, средства со строительства жилплощади перебрасывают на строительство военных объектов, вышел указ об усилении трудовой дисциплины. В магазинах люди расхватывают залежавшиеся консервы, мыло — боятся, что позже вообще ничего не купишь. Особенно плохо стало со снабжением в провинции.

Кому же был нужен Афганистан?

Оккупация Афганистана стала следствием свержения правительства Дауда в апреле 1978 г. Этот военный переворот был организован при помощи спецгрупп КГБ. Офицеры советского генштаба, знакомые с обстановкой в Афганистане, еще тогда предупреждали, что в случае замены даудовского режима коммунистическим для его поддержки будет недостаточно одних „советников”, а придется вводить войска. При этом, отмечали они, для полного контроля над страной понадобятся крупные воинские соединения.

Но это предупреждение осталось без внимания.

А ведь даже если рассуждать с точки зрения советских вождей — в апрельском перевороте никакой необходимости не было. Правительство Дауда было связано с СССР договором „о дружбе и взаимопомощи”, и в случае необходимости оно пропустило бы советские войска в любую сторону. Свержение Дауда, установление коммунистического режима, последовавшие преследования религии, террор населения, „реформы”, подобные раскулачиванию, распад афганской армии, взаимопожирание коммунистических вождей, — все это привело к росту повстанческого движения против коммунистов. И советское руководство оказалось поставленным перед выбором: либо ввести войска в Афганистан, либо потерять его совсем.

Но неужели советские фюреры не предвидели всех последствий этого вторжения? Или, как заявил Брежнев в „Правде” от 13. 1. 1980, — „ЦК партии и Советское правительство действовали с полным сознанием своей ответственности, учитывая всю совокупность обстоятельств”, — т. е. сознательно шли на создание мирового кризиса?

Нашей стране реально никто не угрожал. США были готовы на большие уступки и в вопросах сокращения вооружений, и в вопросах сближения. Запад стремился к расши-

рению торговли и технических связей. Нарастание военного потенциала Китая длилось бы еще долгие годы, так как Запад не стремился это ускорять.

Утверждение, что оккупация Афганистана предпринята в интересах безопасности нашей страны как защита от китайской и „империалистической” угрозы — лживо. Посмотрите на карту: где наша граница с Китаем и где Афганистан. И видели ли вы „империалистов” на улицах Кабула?

Никогда со времени второй мировой войны мы не были так близки к новой войне, как сейчас. Своими действиями советское правительство теснит демократические страны к грани, при переходе которой берутся за оружие. „Демократии” проглатывали гитлеровские агрессии одну за другой. Но когда Гитлер напал на Польшу — они начали воевать.

Почему уроки истории не учат?

В мировой печати слово „русские” стало сегодня синонимом агрессии и угрозы миру на земле. Причины советской агрессивности часто видят в национальных традициях русского народа. Но мы, испытавшие советскую власть на себе, знаем, что это не так. Русская политика до 1917 г., если порою и имела темные стороны (впрочем, их у нашей страны было никак не больше, чем у других), то она всегда исходила из национально-государ-

ственных интересов России. Политика же КПСС российским интересам противоречит — она руководствуется интересами распространения марксизма-ленинизма на весь мир. Выплачивая народу лишь прожиточный минимум, КПСС щедро раздает народные деньги на создание и поддержку „братских” режимов во всех частях света. Народ живет впроголодь, а одна только Куба до сих пор обходится нам по 6 миллионов долларов в день.

Нас не спрашивают, хотим ли мы своими жизнями и трудом оплачивать трагедии все новых и новых народов — Вьетнама, Анголы, Эфиопии, Афганистана. Советское правительство заставляет видеть в „русских” врага все новые и новые страны, — даже те, которые могли бы быть нашими добрыми соседями и союзниками. Наш народ лишен законного права сменить это правительство на выборах. И это правительство силой тащит нашу страну в войну, глобальную войну на два фронта: против Запада и Китая.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, чтобы сохранить нашу государственность, наше место в мире, — надо пресечь эту преступную в отношении интересов страны и народа политику. К этому выводу пришли многие люди в нашей стране, которые вместе с нами — НТС — или, создавая свои группы, — включаются в борьбу за освобождение и сохране-

ние России. Есть в этих рядах и военные, — и мы ценим их вклад в общее дело. Это они отказывались стрелять в антикоммунистических повстанцев в Берлине в 1953 г. и в Венгрии в 1956-м (на сторону восставших венгров перешло около 3 тысяч наших военных). Отказались стрелять в народ армейские части во время восстаний в Темиртау в 1959 г. и в Новочеркасске в 1962-м — они были заменены карательными частями МВД-КГБ. В Новочеркасске один из офицеров в знак протеста застрелился перед строем своих солдат. В 1969 г. среди офицеров Балтфлота была раскрыта подпольная организация. В этом же году лейтенант Ильин из ленинградского гарнизона стрелял по правительственной машине у Кремля. Осенью 1975 г. взбунтовалась команда эсминца „Сторожевой” (восстание возглавил капитан 3-го ранга В. М. Саблин). — Все эти попытки не изменили строя в нашей стране, но они показали, что люди, озабоченные ее судьбой, есть и в армии. Все это дает основания надеяться, что в случае решительных событий в стране найдутся достойные люди и в высшем командном составе, чтобы помочь круто повернуть руль внешней политики нашей страны — к миру.

Трудно сказать все в одной листовке. Мы не даем вам, солдатам, никаких конкретных рецептов. Что можно делать и чего нель-

зя — вам на месте виднее самим. Мы хотим только, чтобы вы узнали правду и передавали ее другим. Чтобы вы поняли причины грозящей нашей стране катастрофы и правильно оценили побуждения НТС, который за предотвращение этой катастрофы борется. Чтобы вы, солдаты и офицеры, в предстоящих событиях, стали на сторону сил, борющихся за освобождение и оздоровление нашей страны.

*Народно-Трудовой Союз
российских солидаристов*

Адрес заграничного центра НТС:
Postbus 902, Rotterdam, Hollandia

(„Посев № 9, сентябрь 1980 г.)

Трудная проблема

В редакцию пришло письмо читателя журнала, направленное руководству НТС, по поводу опубликованного в сентябрьском номере „П о с е в а” „Обращения НТС к советским военнослужащим в Афганистане”. Автор письма ставит — справедливо и своевременно — ряд трудных вопросов. С согласия руководства НТС, мы публикуем это письмо.

Глубокоуважаемые руководители НТС!

Прочитал в № 9 „П о с е в а” текст „Обращения НТС к советским военным в Афганистане”. Считаю необходимым сделать некоторые замечания.

Политический материал Обращения безусловно правилен и очень информативен. Но какова его цель?

Такую длинную листовку некогда прочесть в боевой обстановке и тем более нелегко спрятать от бдительного ока особистов. Но это еще полбеды. Вы не даете никаких к о н к р е т н ы х у к а з а н и й и вместе с тем предлагаете стать „на сторону сил, борющихся за освобождение и оздоровление нашей страны”. Как же это сделать? Застрелиться перед строем (или иначе), как упомянутый вами офицер в Новочеркасске в 1962-м? Или повторять действия лейтенанта Ильина? Или сдать афганским повстанцам и перейти на их сторону с оружием

в руках, как те „3 тысячи наших военных” в Венгрии в 1956-м? Но, как вы сами указываете в своем Обращении, „ в партизанских условиях пленных афганцы не берут”. Остается только „передавать правду” (т. е. эту громоздкую листовку) другим — до первого стукача, а дальше — пуля или лагерь...

В рядах советской армии в Афганистане и без того достаточно недовольных и КПСС, и ее режимом, и этой войной... Проблема именно в „конкретных рецептах”.

Согласно интервью руководителя Национального исламского фронта Афганистана Саед-Ахмета Гайлани, опубликованному в том же № „П о с е в а”, афганские „борцы согласились принять листовки НТС с обращением к советским военнослужащим и доставить их по адресу... чтобы они могли сделать свои собственные выводы.”

Какие?

Послужит ли хоть эта листовка пропуском, гарантирующим жизнь, человеческое обращение и, при первой возможности, переправу в свободный мир тому, кто сделал конкретные выводы?

Организация, взявшаяся вести пропаганду в советских войсках в Афганистане, должна прежде всего договориться с Афганским повстанческим движением о неприкосновенности перебежчиков и ответственно сообщить об этой договоренности в своих листовках, по-русски и по-афгански. В противном случае советские военнослужащие так и останутся между Сциллой и Харибдой коммунистического и повстанческого беспощадного возмездия.

Существует такая весьма сложная военная отрасль „Разложение войск противника”. Советская

сторона никогда ею не пренебрегала. Не мешало бы и НТС, и Афганскому сопротивлению использовать специалистов этого дела.

С уважением

С. Т.

Редакция обратилась к руководству НТС с просьбой ответить на поставленные в письме вопросы. Вот эти ответы.

Занимаясь на протяжении месяцев проблемой советских военнопленных в Афганистане, мы можем сегодня сделать следующие выводы.

1. Повстанческое движение раздроблено и с ним в принципе невозможно договориться о приеме советских пленных. Эта раздробленность проявляется не только в различном отношении к оккупационной армии, но и в отношении повстанцев друг к другу. Для определенного фланга повстанческого движения противник определяется без всякого политического различия, — как „неверные” вообще. Например, на 2-м съезде Союза афганского освобождения руководитель одной из групп афганского сопротивления Рабани провозгласил в качестве одной из основных целей своей организации не только освобождение Афганистана от оккупации, но и распространение исламской революции на Москву и вообще на весь мир.

Правда, известно заявление руководителя Национального исламского фронта Афгани-

стана (НИФА) С.-А. Гайлани, что тех советских военнослужащих, которые перейдут сражаться на сторону его отрядов, он готов принять к себе как солдат и дать им оружие (признак отрядов Гайлани — черный флаг, флаг священной войны). И действительно, в рядах НИФА сражаются против советских оккупационных войск 2 отряда (в Фарахе и под Кабулом) бывших советских военнослужащих, общей численностью около 60 человек.

Используя свои связи с представителями афганского сопротивления, НТС, само собою разумеется, поднимал вопрос о сохранении жизни попавших в плен советских военнослужащих. Советских пленных, по своей политической позиции, готовы брать две крупные повстанческие организации (НИФА и НЛФА). Но при том характере партизанской войны, который они ведут, у них нет территории, на которых они могли бы держать военнопленных; водить же их с собой по горам — для них неприемлемая обуза.

2. Пакистан, через территорию которого неизбежно пролегают все маршруты вывоза из Афганистана советских военнослужащих, желающих получить политическое убежище, находится в очень трудном положении, избегает обострений с СССР и, возможно, возвращает советских военных советским властям. В частности, точно известно, что

10 июля с. г. в северо-западной провинции Пакистана в руки пакистанских властей попал советский военнослужащий, но все попытки НТС узнать о его дальнейшей судьбе не увенчались успехом. По этой причине встречи представителей НТС с бывшими советскими военнослужащими, сражающимися на стороне НИФА, возможны только в самом Афганистане на контролируемой повстанцами территории.

3. Еще в мае 1980 г. НТС обращался в Международный Красный Крест по вопросу о взятии этой организацией под свое покровительство советских военнопленных в гуманитарных целях, ради спасения их жизней. На это обращение до сих пор ответа нет.

4. Таким образом, призывать советских солдат сдаваться в плен, не имея гарантий, что им будет сохранена жизнь, НТС не может. Что касается призывов к советским солдатам не стрелять в повстанцев, то известен ряд случаев, когда за отказ стрелять советских солдат расстреливали на месте.

Несмотря на описанные затруднения, НТС будет пытаться и дальше искать путь, по которому советских военнослужащих, не желающих выполнять преступные приказы власти, можно будет переправлять из Афганистана в страну, которая была бы готова предоставить им политическое убежище.

5. Что касается фразы о „разложении войск противника”, то мы считаем ее неверно сформулированной. Это коммунистическое руководство разлагает наших солдат, вынуждая их выполнять преступные приказы, воспитывает их в чуждых российской армии традициях. Но мысль о необходимости работы в армии с целью привлечения ее на сторону освободительных сил — бесспорна. НТС эту работу ведет и вел всегда, когда это было возможно (в наиболее крупных масштабах — в оккупационных войсках Восточной Германии, в течение ряда лет, начиная с 1949 г., до тех пор, когда вследствие советского нажима на западных политиков эту работу пришлось резко сократить).

(„Посев” № 12, декабрь 1980 г.)

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

ПУ № 007164

Шингарев

Виктор Гайбуллаевич

остаётся на действительной
военной службе в Вооруженных
Силах СССР.

1. Число, месяц и год

СТА
рождения

24 ноября

1953

м. п.

2. Личная подпись

[Handwritten signature]

Шингарев Виктор Гайбуллаевич, род. 24.11.1953 г. в г. Каган Бухарской обл., капитан, удостоверение личности ПУ 007164 выдано командиром в/ч 22523. Погиб в Афганистане.

Русский солдат в Афганистане

Почти во всем мире солдат советской армии предстает неким прототипом парня, участвующего в военном параде на Красной площади: чистый, опрятный, дисциплинированный, выполняющий приказ без размышления, вообще бесчувственный, всегда уверенный в своей силе, — в общем, неспособный или отученный видеть разницу между силой и насилием. Не люди, причем молодые, а миллионы послушных роботов. Иногда можно услышать: „Его кормят хоть и грубой пищей, ну, там, гречневой кашей, но зато досыта, — и он доволен, потому как привык довольствоваться малым”.

Что сделает, что скажет советский солдат, услышав такое? Презрительно сплюнет? Обидно рассмеется? Пожмет равнодушно плечами? Скажет язвительно: „Пускай сначала отвалят на рубон гречку, не сечку, а там и поговорим”? Сколько солдат, столько и разных ответов.

По окончании второй мировой советский солдат был в глазах многих на Западе Освободителем. Прошло 35 лет. За это время со-

ветскому солдату ни разу не пришлось защищать свою территорию, но зато не раз приходилось вторгаться на чужую, подавлять в разных странах реформистские и революционные движения. Поэтому и превратился он из Освободителя в Завоевателя, в Подавителя. Давил в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году, теперь давит в Афганистане. Во многих других странах постоянно давит не оружием, а своим присутствием, угрозой. Примеры неповиновения, даже возмущения, были, отказывались стрелять, но это чаще всего происходило во время подавления забастовок, восстаний в самом СССР. Стоит ли говорить, что легче, когда особо не веришь в то, что делаешь, стрелять в чужого, чем в своего? Но и такие примеры — редкость. Тоже понятно — приказ есть приказ, без выполнения приказа нет армии, без армии нет государства. И каждый знает, что полагается за невыполнение приказа в боевой обстановке. Мысль проста: „Ну, не я, — так ведь другой. Пойду под трибунал, ну пропаду. И что?“ Да это и не мысль часто, просто ощущение, вытекающее из инстинкта самосохранения. Дембель! Дождаться дембеля, целым вернуться домой. Осталось столько-то бань, столько-то метров селедки, одну пару сапог осталось стоптать. Пропади оно все пропадом, дождаться, дождаться, дождаться!.

Желание остаться в живых вызывает страх, страх — злобу. Когда воюешь с людьми, защищающими свою землю, свою свободу. И когда они убивают Гришку, Степку или Шоту, с которым дружил, с которым делил посылки и мечты, тогда уже не задумываешься, кто прав-виноват, теряешь жалость, если она была. Не только обидно за Гришку: Гришкой мог быть — ты.

Гораздо труднее понять, почему тот же Ванька или Колька, со всем этим в душе, вдруг все-таки отказывается стрелять и идет под трибунал. Совесть не позволила? А раньше, значит, позволяла? Узнал правду? Правда, — своя, ради которой идешь под трибунал, — не познается в миг. А даже если бы позналась, все равно от мысли до слова, от слова до решения, от решения до действия — путь длинный. Значит, вспыхивает в человеке что-то уже давно заготовленное жизнью, еще на гражданке, то, что словами трудно передать.

Но людям, особенно на Западе, даже такая несложная психологическая картина кажется абстрактной или попросту нелепой. Западный человек привык жить в стране, в которой власть зависит от общественного мнения. Война во Вьетнаме была в США непопулярной, и молодые американцы тысячами открыто рвали повестки, уезжали за границу. А при этом нельзя забывать, что амери-

канские войска не вторглись в эту страну, не прибыли в Южный Вьетнам „по просьбе правительства для борьбы с бандитами и контрреволюционерами”. Они помогали отразить нападение ДРВ, т. е. другой державы, которая, в конце концов, и победила с помощью СССР и Китая. Однажды американский офицер приказал расстрелять жителей вьетнамской деревни, заподозренных в помощи врагу. Он был отдан под суд и осужден. И почти все на Западе нашли суд над этим офицером вполне естественным. Правительство, которое систематически давало бы приказы расстреливать (о подавлении забастовок в собственной стране и говорить нечего) заподозренных жителей, пусть в далекой стране, где оно вынуждено или захотело воевать, — на Западе было бы обречено. Оно слетело бы на следующих же выборах. Дело не в том, что Картер добрее Брежнева, а в том, что Картер, даже если бы хотел, не смог бы — в том время как Брежнев хочет и может — заставить советского солдата стрелять не только в чужих, но и в своих.

Вывод напрашивается сам собой: человек Запада не может понять психологию советского солдата, ибо для этого человека не встает вопрос: „Выполнять или не выполнять приказ стрелять в безоружных людей?” Не может понять по той простой и важнейшей причине, что т а к о й приказ в принци-

пе ему не может быть отдан.

Поэтому, не понимая сущности советской системы, человек Запада часто ищет в неестественном для него послушании советского солдата добровольное начало. И находит его в официальной пропаганде и идеологии. Если советский солдат послушно душит чужие народы и по приказу нарушает все международные конвенции, то он либо просто робот, тупой человек, неспособный вообще мыслить, либо сложно запрограммированный робот, то есть человек, которому внушили и который затем себе внушил, что, пребывая как угроза в соцстранах, подавляя там желание населения избавиться от него, оккупанта, или расстреливая толпу мирных людей, он служит делу коммунизма.

Подобный взгляд, в свою очередь, представляется нелепым не только советскому солдату, но и советскому командованию.

Сегодня всякий советский военнослужащий, повторяющий марксистско-ленинские лозунги, тем более в их брежневском оформлении, квалифицируется солдатами как „мальй, стремящийся к лыкам, к отпуску (часто второму), к теплomu местечку”. Либо проще: он карьерист, рассчитывающий начать восхождение в армии и продолжить его на гражданке. Ну есть, конечно, и просто жажда власти. Все это не вызывает удивления. Подобного человека обычно презирают,

его же часто побаиваются, ему же иногда завидуют. Но солдата, искренне, с верой восклицаящего „Вперед, к сияющим вершинам коммунизма!”, искренне сочтут „не совсем того”, причем сочтут все солдаты и офицеры, даже те, в чьи обязанности как раз входит политдолбежка. Сам замполит, встретившись с этой „музейной редкостью”, дважды подумает, прежде чем ею воспользоваться: черт его знает что может такой ляпнуть!

Внешне, со времени окончания войны, в нашей армии как будто мало что изменилось. О Жукове вспоминают лишь, что при нем зубными щетками казарму драили. Малиновский? Ничего особенного. Гречко, прежде чем помер, скинул год службы, ввел новый мундир, дал вместо десяти двадцать граммов масла. Но к этому давно привыкли. Устинов? Выглядит в своей маршальской форме как переподготовщик до похмелья.

На деле, в течение этих десятилетий продолжали развиваться два сопровождающих друг друга процесса: равнодушие к советской идеологии и отрицательное отношение к службе как срочной, так и сверхсрочной. Еще в конце 50-х годов школьники мечтали стать суворовцами, нахимовцами, а от кандидатов в военные училища отбою не было. Сегодня попал в армию, — значит „не отвертелся”. Не только среди городского населения, но и на селе все сильнее нежелание слу-

жить. В училища тянут теперь чуть ли не за уши. Вербовщики, усыпанные значками, рассказывают сказки о замечательном будущем офицера, не забывая добавить: „Ничего, пройдешь экзамены, все равно пройдешь”. Одна бытовая черта, например, довольно характерна: лет 20 назад выйти замуж за офицера значило вызвать зависть подруг, теперь злорадство или жалость.

Командование и стоящая над ним партийно-государственная власть знают о существовании этих двух процессов, разрушающих изнутри их силу и мощь. Они знают, что сегодня миллионы молодых ребят, которые родились после того, как было объявлено о построенном уже социализме, которым затем долго и упорно внушалось, что защита родины и коммунизма одно и то же — не хотят служить, не верят в „светлое завтра”, после чтения „На страже родины” рассказывают анекдоты о Ленине и „бровастом”, поют: „Бьетса в тесной печурке Лазо”... Право, вполне можно понять огромное беспокойство партийных вождей и связанные с этим поиски других видов пропаганды.

Тем более, если подобные настроения советской молодежи, в данном случае солдатской массы, приводят к катастрофическим для власти результатам. Уже в 1953 году некоторые советские солдаты отказывались стрелять в восточберлинских повстанцев,

а в 1956 году пропаганда „коммунистический интернационал-родина” также принесла свои плоды: на сторону восставших венгров перешло около 3000 наших солдат и офицеров; просто отказавшихся стрелять было гораздо больше.

Уже тогда власть стала усиливать другие виды пропаганды. Пропаганды неофициальной, так как марксистская идеология продолжает и не может не быть базисом системы. Неофициальная армейская пропаганда делится, на мой взгляд, на два взаимосвязанных слоя:

1. Укрепление существующего в умах всесоюзного (некоторые говорят — имперского) сознания: вне зависимости от национальности, вероисповедания, политических и иных взглядов солдат должен дорожить каждым клочком советской земли. Эта пропаганда приводит иногда к удивительным результатам: я, например, встречался с солдатами — украинскими националистами, открыто ненавидящими русских, но приходящими в ярость при одной мысли, что китайцы могут забрать себе хоть сантиметр советской территории.

2. Защита государственных интересов вне зависимости от природы существующей, государственной власти.

Как в 1968 перед вторжением в Чехословакию, так и в 1979 перед вторжением в Аф-

ганистан, во многих частях (нужно думать, что во всех) была проведена приблизительно следующая комедия. На плацу выстроен полк. Первым выступает замполит (иногда парторг). Он говорит об интернациональной братской помощи, может даже напомнить о мировой революции, непременно — об угрозе, нависшей со стороны империализма над той или иной социалистической страной, о коммунистической солидарности между братскими партиями, заговорит о ленинской политике, вспомнит Маркса-Энгельса, и закончит свою речь уверенностью в верности советских воинов своему долгу.

При этом замполит прекрасно знает (очень тупой — только догадывается), что вся его речь — на смех курам. Но он также знает, что она необходима, что без нее не может быть второй речи, речи комполка. В особенности, если тот — „батя”, „старик”, „скелет”, „крендель”, „пузырь” — в общем добрый, не цепляющийся по пустякам командир, человек, который хочет, чтобы все было в порядке. И командир часто говорит не то, что он должен сказать, а то, что он на самом деле думает, или почти то. Но то, что он говорит, — хотят, чтобы он сказал, и замполит, и парторг, и начальник особого отдела, (его кличка чаще всего „Молчи-Молчи”) и политотдел дивизии, и так до самого Устинова и Политбюро. Потому что то, что он говорит,

— и есть неофициальная пропаганда. То, что он произносит на плацу или доверительно в классах, не попадет ни в газеты, ни в журналы, не будет даже повторено до следующей особой нужды. Но эта речь тем сильна, что часто произнесена корявым языком человека, чья профессия воевать, а не рассуждать, человека, в сущности презирающего политотдел и вынужденного опасаться „Молчи-Молчи”.

Я не пытаюсь передать точные слова каждого такого командира, любящего родину не меньше, чем открытые противники существующей власти, но смысл тысяч таких речей не так трудно определить. „Ребята! Я не буду говорить вам красивых слов. Мы — солдаты. В Афганистане (раньше было — в Чехословакии) создалось такое положение, которое может стать опасным нашим границам (или прямо — интересам). Китайцы и США хотят прогнать ставшее союзным нам правительство, что само собой создаст, со стратегической точки зрения, опасность (если он говорит в классе, то покажет указкой по карте). Нам дан приказ эту для нашей родины опасность предотвратить. Думаю, все пойдут добровольцами!” (Если это на плацу, то: „Кто доброволец — два шага вперед!”).

Обычно речь завершается словами: „Приказ есть приказ!” И почти повторением конца предыдущей речи, но уже с совсем други-

ми интонациями и как будто содержанием: „Я уверен, что каждый выполнит свой долг!”

Тут и выступает со всей силой вся мощь неофициальной пропаганды. Человек, даже как будто ни во что больше не верящий, изначально привык выбирать. Между правдой и неправдой, злом и добром, любовью и ненавистью. А тут еще проблема выбора предлагается „по-нашему, по-советски”. Когда говорят „Добровольцы — два шага вперед!”, каждый солдат слышит: „Кто не хочет — выйти из строя!”. Даже не слышит, а знает заранее, нутро переводит.

Человек вообще ищет правду, она приятнее. А солдат, лишенный „гражданки” (матери, родного места, свободы, своего воздуха, всего, чего он не замечал ранее и о чем теперь тоскует), — тем более. Советский человек, утверждающий, что „Правду” продали, но остался „Труд” за две копейки, тем не менее с большим трудом может себе представить, что в „Правде” в с е — ложь. Он ищет правду, читает между строк, докапывается до нее, в крайнем случае, вытаскивает голую информацию и принимает ее за истину. 100% лжи быть не может! В какой-то степени это действительно так: голая ложь, как будто, бросается в глаза. Ну, а если взять правду в услужении лжи?

В Чехословакии в 1968 году ребята действительно думали (хотели думать!), что встретят армию ФРГ, американцев, в общем — империалистов. Встретили же людей, называющих их фашистами за вторжение. И не было ничего, о чем искренне говорил комполка. Не родину оборонять пришли, а — отнимать ее у других. А все вышли вперед, все были добровольцами. И я был.

Так действующая неофициальная двухслойная пропаганда служит пропаганде официальной и недействующей.

Сегодня в Афганистане положение советских солдат куда более трудное, чем было в Чехословакии. Оно, — в общем, не стоит бояться слова — безвыходное. Во время нашествия на Чехословакию ребята уверили себя кто в оборонном значении вторжения, кто — что вторжение так или иначе выгодно стране, следовательно... Кто, не веря даже в это, занимался более простым бытовым самовнушением типа: „Они и так жили лучше нас, так, ишь, большего захотели!” Но в Чехословакии не было войны, не было открытого народного сопротивления, значит, не было страха у солдат, не было злобы, не нужно было ни погибать, ни убивать.

В Афганистане идет война с народом. В этой стране советскому солдату летом слишком жарко, зимой слишком холодно в палаточных лагерях, и кормят куда хуже, чем в

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

НК № 3926240

Фамилия Билев
 Имя Евгений
 Отчество Ефимович
 Число, месяц и год рождения 17.03.1961г.
 Адрес подпись владельца Ветна -
 Вадан Кученосурская
Рыбинский район Владимир обл.
Сергеевский рай. Кученосурская (район, уезд, уезды)

(зачисл., подпись)

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

ИЛ № 4013476

Фамилия Билич
 Имя Владимир
 Отчество Александрович
 Число, месяц и год рождения Вилья 1960г.
 Адрес подпись владельца Дреск
 Бюро Севастополь
Рыбинский район Владимир обл.
Калининский рай. Дреск (район, уезд, уезды)

7 апреля 1979г.

ЖЕНЩИНА ВОИНСКАЯ

(Handwritten signature)

Билев Евгений Ефимович, род. 17. 3. 1961 г., и Билич Владимир Александрович, род. 19. 7. 1960 г. Погибли в Афганистане.

казармах дома. И в плен нельзя попадать, в крайнем случае и сдаться нельзя, тем более перейти на чужую сторону — смерть. Везде смерть, мразь и гадость.

Но остается одно, важное, касающееся будущего: думать, непременно думать, постараться понять. Ныне в среднем каждый день погибает в Афганистане 50 советских военнослужащих. И это только начало, ибо на Афганистане коммунистическое руководство вряд ли остановится.

В. Рыбаков

(„Посев” № 1, январь 1981 г.)

Жертвы преступной политики КПСС

В царской России, во время войн, официально публиковались списки убитых и раненых солдат и офицеров. Сегодня в Советском Союзе власти скрывают от населения не только потери в Афганистане, но и сам факт, что наша страна ведет там войну против афганского народа.

Число убитых и раненых в этой войне измеряется десятками тысяч. По полученным нами секретным сведениям Министерства обороны СССР, которые мы приводили в „П о с е в е” № 12 за 1980 г., на 20 сентября 1980-го года советские войска потеряли только убитыми 8 492 человека, а число раненых достигло 15 тысяч. За прошедшее с тех пор время в результате продолжающихся военных действий, число потерь у б и т ы м и к 1981 г. превысило 10.000 человек, всего же за 14 месяцев войны советская армия потеряла в Афганистане более двух дивизий.

В основном гибнут 19-20-летние ребята, вчерашние школьники. Мы не уверены, что

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

НУ № 7855494

Фамилия Черныш

Имя Сергей

Отчество Владимирович

Число, месяц и год рождения 30 июня 60г

Личная подпись владельца Сергей

Выдан Лемкивским

районным военным комиссариатом
Хмельницкой области (республики)

29 июня 1979г.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР
Полковник

М. П.

Товарищ

(звание, подпись)

**Сергей Черныш из с. Рубановка В.-Лепетихского р-на
Херсонской обл. Погиб в Афганистане.**

их родителям и близким власти сообщают о причине и месте смерти. Поэтому мы считаем своим долгом публиковать поступающие к нам, к сожалению, немногие сведения о погибших в этой войне — преступной как в отношении афганцев, так и в отношении собственного народа и интересов России.

Ниже публикуется отрывок из письма, найденного на теле убитого в Афганистане солдата.

ПИСЬМО УБИТОМУ СОЛДАТУ

Привет из Днепропетровска.

Здравствуй, мое любимое и единственное „Сонечко”!

С огромным приветом и массой наилучших пожеланий в твоей трудной солдатской службе к тебе твоя половиночка. Вот решила тебе, зайчик, написать еще одно послание. Я все-таки надеюсь, что мои письма находят тебя, вот только твои письма меня не ищут. Я знаю, что писать тебе нельзя, и поэтому не обижаюсь нисколько. Я молю Бога, чтобы мой зайчик был жив и здоров, больше мне пока ничего не нужно. Я каждый день перечитываю газеты о международном положении, и особенно об Афганистане, и удивляюсь сама себе — сколько же в мире подлости. Пусть нас разлучили на 2 года, только бы не на всю жизнь, а судьба она такая, злодейка (пуля — дура). Служить тебе осталось 1 год и 3 с половиной месяца, и это уже не 2 года, а немного меньше. Я признаюсь тебе, что время летит быстро, во всяком случае для меня. Мне сейчас очень плохо и очень тревожно на душе. (...)

По сообщениям военнослужащих, удалось установить, что в Афганистане находятся, в частности, следующие дивизии:

- 5 гвардейская мотострелковая дивизия (в северных провинциях)
- 12 мотострелковая дивизия
- 16 мотострелковая дивизия (в северных провинциях)
- 54 мотострелковая дивизия
- 66 мотострелковая дивизия (Герат)
- 104 воздушно-десантная дивизия
- 105 гвардейская воздушно-десантная дивизия (Баграм)
- 201 мотострелковая дивизия
- 306 мотострелковая дивизия (вокруг Кабула)
- 357 мотострелковая дивизия
- 360 мотострелковая дивизия
- 21 ракетная бригада (на севере Афганистана)

Так как не все родственники знают, что их близкие посланы воевать в Афганистан, мы надеемся, что этот перечень дивизий (может быть, неполный и не во всем точный — он собирался методом опросов) поможет некоторым из наших читателей в России узнать, где находятся члены их семей.

В январе 1981 г. повстанцы НИФА забросали листовками НТС чуть ли не половину города Кандагар. Некоторые другие

группы распространяют свои собственные листовки по-русски. Вот что говорится в одной из них, попавшей мне в руки (так как листовка написана с большим количеством грамматических ошибок, мы приводим отрывки из нее в исправленном виде) :

„Ребята! Мы в Афганистане не хотим убивать вас, мы все чувствуем, но ничего сделать не можем. Мы обязаны убивать вас потому, что вы же сражаетесь против нас, ... мы должны убивать того, кто убивает, расстреливает и хоронит живыми наших детей, стариков, женщин (...).

Сами скажите, кто виноват: мы или те, которые и вам и нам не дают жить спокойно... Разве вы не хотите жить у себя дома, — ведь у вас дома ничего не сделано, — ходить на танцы, гулять со своими невестами и подружками? (...)

Вы должны живыми вернуться к себе на родину... Вас ждут, вы нужны вашим родителям, вашим невестам, они без вас вообще не могут, им без вас не жить, они не хотят получить ваши разбитые тела в закрытых гробах. Что они могут написать на ваших могилах? (...)

Война в Афганистане — позор для русского народа. Но они об этой правде написать вам не могут, потому что фашистская власть Кремля не дает им права выражения мыслей. Однако их сердца просят вас быть людьми, просят сделать в Афганистане то, что должны сделать обязанные перед человечеством люди (...).

Не только вы, но и рабочие у станка тоже не могут ничего сказать, все огромные физические и ум-

ственные усилия вашего народа Кремль расходует на осуществление своих целей. (...)

В чем заключается вина нашего народа? В том, что мы не хотим согласиться с рабством коммунистов. Но мы спросим вас: разве вы согласны с ними?

Ребята! Подумайте и убивайте того, кто виноват, а не наших беззащитных стариков, женщин, детей. И нам и вам вместо войны надо много чего сделать: вам надо получить свои человеческие права, освободить себя от ига коммунистов, а нам надо восстановить разрушения от варварских налетов и бомбардировок... Все человечество, в том числе и вы и мы, должны бороться против коммунизма”.

Цель наших поездок в Афганистан — установление контактов с советскими военнослужащими, распространение листовок, получение собственной информации о состоянии советской армии и ходе войны, усилия по спасению жизней советским пленным. Все это мы можем делать только при помощи повстанцев. Одни группы готовы нам помогать, другие — нет. Об этом мы уже писали (см. „Трудная проблема”, „П о с е в” № 12, 1980 г. — Р е д.). Что-то удастся сделать, что-то — нет. Если в результате наших усилий удастся спасти жизнь хотя бы нескольким из ребят, посланных „вождями” умирать в эту страну, то, значит, наша работа в Афганистане не напрасна. Хотя сохранить жизни нашим солдатам — сегодняшним и

будущим — можно, лишь избавив Россию от коммунистического режима.

(Из „П о с е в а” №№ 1-4, 1981 г. По материалам специальных корреспондентов „П о с е в а”, побывавших в Афганистане)

Кроме фамилий погибших, опубликованных на предыдущих страницах, нам известно также, что в Афганистане погибли:

Сафаров Ашир Дадаш оглы, род. 19.12.1960 г. в с. Поладли Агджабединского р-на Азербайджанской ССР; военный билет НЗ № 3974269 выдан военкоматом г. Сумгаита.

Корчагин Александр Александрович, родился 29.1.1956 г. в с. Куралово Куйбышевского р-на Татарской АССР; старший лейтенант, удостоверение личности ОМ № 032983.

Отклики из России

Родителям жертв войны в Афганистане

Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР выражает глубокое сочувствие родителям солдат, брошенных сражаться в Афганистан. Причем, возможно, не все родители знают, что их дети находятся там.

Мы понимаем, какая безысходная горечь овладевает вами из-за невозможности заклонить своей родительской жертвенностью самое дорогое, что у вас есть в жизни.

Мы также выражаем глубочайшее соболезнование родителям и близким погибших, тяжелораненых, ставших инвалидами советских солдат в Афганистане. Нам слишком хорошо известно, каково быть инвалидами в нашей стране и какое горе выпадает на долю родителей инвалидов.

Ю. Киселев

В. Фефелов

СССР, 27 января 1980 г.

О. Зайцева

(„Посев“ № 6, июнь 1980 г.)

Прекратить кровопролитие!

Мы, женщины новой России, требуем вывода всех родов советских войск с территории оккупированного Афганистана.

Прекратить убийства и надругательства над мирными жителями чужой страны!

Перестаньте посылать на позорную смерть наших мужей и сыновей!

Нам стыдно слушать циничную ложь, которой правительство нашей страны пытается прикрыть ужасную правду об Афганистане.

Нам стыдно принадлежать к народу, от имени которого творятся столь чудовищные злодеяния, от имени которого попирается честь и свобода других народов.

*Независимый женский
клуб „Мария”*

Ленинград, 19 июля 1980 г.

(„Посев” № 10, октябрь 1980 г.)

Он был моим другом...

Недавно из Афганистана приехал человек, который был моим другом. По образованию врач, призван в армию на 2 года, лейтенант. В Афганистане с первого дня, из Средней Азии, по тревоге. Ни о какой добровольности и речи нет. Участвовал в 29 карательных рейдах (уничтожение кишлаков, мирного населения). Принимал участие в пытках, ко-

торые применяются, чтобы добыть сведения о повстанцах. Принят в партию через несколько часов после изъявления желания. Правительственные награды: орден Боевого Красного Знамени и две медали. Зарплата — 600 рублей в месяц плюс сертификаты. На видном месте, на левом плече, татуировка с группой крови и резус-фактором.

Десантные войска (на жаргоне „коммандос“) свои операции проводят обычно ночью. Обкладывается кишлак, предназначенный к уничтожению. Жителей вырезают, пользуясь холодным оружием. Применение огнестрельного оружия допускается только в исключительных случаях, когда, узнав о карательной операции, появляются вооруженные партизаны.

С первых же дней пребывания в Афганистане военнослужащих ставят в известность, что родные и близкие несут ответственность за их поведение. Бывают, и нередко, случаи самоубийства военнослужащих. За отказ стрелять в мирных жигелей, за попытку дезертирства — расстреливают. В его присутствии было расстреляно 2 солдата. Каждый офицер получает 4 дня в месяц отпуска для поездки в Ташкент. Там им предоставляются проститутки.

Он вовсе не в патриотическом бреду и понимает, что творит и будет творить, когда снова вернется на службу.

Ноябрь 1980 г., СССР

Б. В.

(„Посев“ № 1, январь 1981 г.)

К годовщине советской интервенции в Афганистане

Скоро пройдет год с того времени, как советские войска вторглись в Афганистан. Это была настоящая интервенция, не имевшая никакого формально-правового обоснования. Военные действия, которые ведут в Афганистане советские войска, чинимое ими насилие — преступны.

Мне стыдно за себя и за тех своих соотечественников, которые, осуждая эту войну, молчали в течение всего этого времени. Сила, которая заставляет людей молчать — страх за родных и близких, боязнь потерять любимую работу — велика. Немало времени требуется на то, чтобы понять, что ее нужно преодолеть, и для того, чтобы суметь это сделать.

Но мы должны, наконец, решиться и потребовать немедленного вывода всех советских войск из Афганистана.

Мы должны это сделать ради афганцев, которых убивают от нашего имени.

Мы должны это сделать ради своего будущего, которое определяется нами уже сейчас.

Сурен Тахтаджян
литератор, представитель Свободного
профсоюза литераторов в Ленинграде

Ленинград, 15 декабря 1980 г.

(„Посев” № 2, 1981 г.)

Афганистан: мотивы, расчеты, перспективы

Некоторые наблюдатели предвещают Советскому Союзу „Вьетнам” в Афганистане. Может быть, будет хуже, но это сравнение все-таки неудачно. Эти наблюдатели плохо знают природу советской власти, да и историю вьетнамской войны. И я согласен с тем советским дипломатом, который дал косвенный ответ на этот вопрос.

Когда, после неудачной попытки иранцев занять советское посольство, корреспондент одной лондонской газеты спросил его: что было бы, если иранцы заняли бы ваше посольство? Советский дипломат посмотрел на часы и ответил: сейчас три часа, а вот в 3 часа 45 минут Ирана вообще не было бы.

Дипломат выразился не совсем дипломатически, но он гениально выболтал сущность двух ведущих принципов советской военно-политической стратегии — решительной безоглядности, если уж наступление началось, и абсолютного презрения к человеческой жизни, если речь идет о достижении стратегических целей.

Почему у американцев во Вьетнаме получился „Вьетнам”? Не в последнюю очередь потому, что они беспрестанно оглядывались и боялись, „как бы чего не вышло”: может пострадать гражданское население, могут выступить китайцы, СССР, нельзя

переносить войну на территорию противника, нельзя брать Ханой, надо только оборонять Сайгон, словом — бить врага, но не убивать его, — такова была странная философия американского ведения войны во Вьетнаме. Советское же правительство будет действовать иначе: оно подвергнет тотальному уничтожению всех непокорных афганцев, даже если в живых остался бы лишь Бабрак Кармаль. (Потом, конечно, расстреляют и его.) Такова ведь, тоже очень странная, логика советской „братской помощи”.

Теперь по существу темы. Я хочу попытаться вкратце проанализировать следующие проблемы, возникшие в связи с советской оккупацией Афганистана: внутренние и внешнеполитические мотивы вторжения в Афганистан, стратегические расчеты, милитаризацию советской политики и экономики, перспективы.

На оккупацию Афганистана Кремль толкнули в первую очередь исключительно благоприятные внешнеполитические факторы. Как бы парадоксально это ни звучало, на эту акцию вынудило Кремль и весьма неблагоприятное внутреннее положение. Почти все внешние войны отвлекали внимание широких народных масс от их текущих нужд и тяжелых проблем, заставляли их сплачиваться под патриотическим знаменем даже непопулярных правителей. Это — аксиома. Министру внутренних дел императорской России Плеве приписывались слова, якобы сказанные им накануне русско-японской войны: „Нам нужна маленькая победоносная война, чтобы убить большую революцию”.

Советскому Союзу все еще не грозит каких-либо серьезных политических потрясений изнутри, но общее недовольство населения, связанное с продовольственным кризисом, коррупцией чиновников, про-

изволом органов власти не было со времен Сталина столь сильно, как сейчас. Поистине гигантские расходы на вооружение, на освоение космоса, на финансирование международных революционных и террористических акций КГБ привели к снижению материального уровня жизни населения почти до уровня сталинских времен. Последние две пятилетки, по-существу, были пятилетками форсированной милитаризации экономики, в силу чего советское правительство и вернулось (вопреки объявленному в девятой пятилетке преимущественному развитию легкой индустрии) к *сталинскому курсу* примата развития тяжелой индустрии над легкой, а в самой тяжелой индустрии — к примату развития военной индустрии над гражданской. Таким образом, советская военно-экономическая система — самая мощная по объему и затратам в мире и она достигает очень больших результатов, несмотря на общую неэффективность всей советской экономики, так как советское руководство обладает неограниченными возможностями распоряжаться материальными ценностями. Результаты эти подтверждаются фактами: за последние 10 лет Советский Союз добился равенства с Америкой в отношении стратегического ракетно-ядерного оружия, после чего и согласился подписать ОСВ-2. За это же время Советский Союз добился превосходства сил в Европе как по ракетно-ядерному оружию средней дальности, так и по накоплению и дислокации обычного оружия, о чем свидетельствует решение НАТО о довооружении от 12 декабря 1979 года. Более того, Советский Союз продолжает наращивать свой военный потенциал по незыблемому принципу своей военной доктрины „превосходства сил”.

И это понятно: Советский Союз готовит себя, как сказал министр обороны США Браун, к войне одновременно „на трех фронтах” (против Америки, Европы и Китая) и поэтому производит одних танков, орудий и боевых самолетов в два-три раза больше, чем Америка, и в два раза больше вкладывает средств в военную индустрию и военные исследования („Зюддойче цайтунг”, 31. 1. 1980). В то время, как США за период правления Брежнева снизили долю военных расходов в общенациональном валовом продукте от 9,4% до 5,4%, Советский Союз, наоборот, увеличил эту долю с 11% до 13%; некоторые специалисты говорят даже о 15% („Энкаунтер”, сентябрь 1979, Лондон).

Каков же общий результат? Главнокомандующий НАТО Бернард Роджерс заявил перед военной комиссией сената, что Советский Союз уже перегнал или скоро перегонит Запад по всем видам обычного и атомного вооружения („Зюддойче цайтунг”, 21.2. 1980).

А как же работает легкая индустрия? Ограничусь одним примером из первых рук — брежневских. Выступая на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС (1979), он сказал: „В последнее время в ЦК КПСС поступают жалобы о перебоях в торговле такими товарами: простейшие медикаменты, мыло, стиральные порошки, зубные щетки и паста, иголки, детские пеленки, и другие товары легкой промышленности” („Правда”, 28. 11. 1979). Еще более катастрофически обстоит дело со снабжением населения пищевыми продуктами. В провинции месяцами не бывает мяса. Капуста, картофель, фрукты становятся дефицитными продуктами. Реальная зарплата советского рабочего ниже пособия по безработице западного человека. Норма эксплуатации труда советско-

го рабочего достигла уровня, который Маркс называл абсолютным законом пауперизации и капиталистического накопления.

За тот или иной потребительский товар, который западный рабочий может купить, скажем, за час работы, советский рабочий должен работать по три-четыре часа. Вот некоторые данные из исследования Кейта Буша „Розничные цены” (Мюнхен, 1979) в отношении двух столиц: столицы „развитого капитализма” — Вашингтона и столицы „развитого социализма” — Москвы: за шесть кило белого хлеба в Вашингтоне надо работать 48 минут, а в Москве — 72, за кило говядины в Вашингтоне надо работать 63 минуты, в Москве — 132, за четыре кило сахара в Вашингтоне — 20 минут, в Москве — 236, за 10 литров молока в Вашингтоне — 70, в Москве — 180, за литр водки в Вашингтоне надо работать 52 минуты, в Москве — 380, за небольшой автомобиль в Вашингтоне надо работать 4,1 месяца, в Москве — 35 месяцев. Все это — результат милитаризации советской экономики.

Прямой результат низкой оплаты труда — повсеместное распространение „итальянских забастовок и „летунства”. Советское правительство увидело ненормальность положения. Оно подумывает над восстановлением сталинских законов о труде 1940 г., по которым произошло закрепощение рабочих и служащих за производством (они были отменены только в 1955 г.). Об этом и свидетельствует постановление ЦК КПСС, Совета министров и ВЦСПС от 12 января 1980 г. „О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины” (кто в год два раза меняет место работы, тот лишается права на сохранение непрерывного трудового стажа).

К драконовским мерам в области духовной жизни правительство перешло уже ранее. Накануне и сейчас же после оккупации Афганистана оно приступило ко всеобщему разгрому всех видов движения в стране — демократического, правозащитного, национального, религиозного. Лидеры этих движений либо арестованы, либо покинули страну. Арестом и высылкой Сахарова без следствия и суда лидеры Кремля совершили преступление уже сталинского типа.

Почему же так круто расправляется власть с диссидентством?

Рождение диссидентства символизировало собою начало новой эпохи в истории советского государства. После почти полувековой политической летаргии произошло восстание интеллектуальной оппозиции против тирании. Величайшая историческая заслуга диссидентства в том, что оно нанесло тягчайший удар по официальной идеологии, согласно которой невозможно возникновение *инакомыслия* в „бесклассовом социалистическом обществе”. Но опасно оно для режима другим: диссидентство — „духовный Кронштадт”, начиненный динамитом замедленного действия.

Сами диссиденты этого не хотели и не видели (ведь все диссиденты за эволюцию против революции). Однако власть видела лучше, больше и дальше. Власть помнила, что как раз за лозунги „права человека”, „гражданские свободы”, даже „за Советы, но без коммунистов” Ленин назвал кронштадтское движение более опасным для режима, чем Деникин, Колчак и Юденич вместе взятые. Советскому режиму инакомыслие, опирающееся на советскую легальность, противопоказано, ибо если советское государство когда-нибудь погибнет, то в результате

роста инакомыслия в советском обществе или даже в аппарате самой власти.

Есть у Советов и своя, потенциально грозная, исламская проблема — это пятидесятиmillionный советский мусульманский мир, граничащий со странами воинствующего ислама — Ираном и Афганистаном. За 1200 лет своего господства в Туркестане и на Кавказе ислам превратил народы этого мира в общность не только религиозную, но и этническую, общность под названием „мусульмане”.

Ни полувековое преследование ислама и его проповедников, ни атеистическая „культурная революция” не достигли поставленной цели. Об этом говорят вынужденные признания самих советских источников. В мусульманских советских республиках сельское население преобладает над городским, и оно — сплошь верующее. Но даже в городах, например, Узбекистана, верующими признают себя 75-85% (Т. С. Саидбаев, „Ислам и общество”, Москва, 1978, с. 187). Подавляющее большинство населения празднует все религиозные праздники и соблюдает религиозные обряды. По данным Института атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, среди татар, живущих в Омской области, 78% признают Уразу-байрам и 79% Курбан-байрам (см. „Русская мысль”, 14.6.1979, ст. О. Анутич). Обряд обрезания, как символ принадлежности к исламу, поддерживают в трех опрошенных районах Узбекистана 81,9% населения („Модернизация ислама”, Москва, 1968, с. 74). Другой советский автор, подводя итоги социалистическим исследованиям о силе ислама в Узбекистане, констатирует, что число людей, совершающих мусульманские обряды, в четыре раза превышает численность официально зарегистрированных как верующие мусульмане (А. Хасанов, „Роль

общесоветских и прогрессивных традиций...”, 1976, с. 12).

Отметим и одно феноменальное явление в истории ислама: суннизм запрещает женщинам становиться имамом и даже посещать мечеть (этого запрета нет в Коране). В Татарии мусульманки выступили инициаторами открытия ранее закрытых мечетей. В Татарии, Башкирии, Ульяновской и Астраханской областях, в Москве, Ленинграде мусульманки широко участвуют в религиозной службе и жизни мечетей. Сообщая обо всем этом, советский автор продолжает: „За последние годы география эта значительно расширилась. Наряду с мужчинами женщины участвуют в богослужениях в мечетях Азербайджана... ряда областей и автономных республик РСФСР. В некоторых мечетях женщины составляют до одной трети общины. В Чечено-Ингушетии и Дагестане действуют женские мюридистские группы, во главе которых стоят также женщины, исполняющие роль Тамады — Шейха, чего раньше в исламе никогда не было... В настоящее время в Средней Азии и Казахстане женщины посещают мечети в дни религиозных праздников” (Саидбаев, там же, сс. 215-216).

В своей богатой по информации и необычайно смелой по анализу книге „Ислам и общество” узбекский ученый Саидбаев приходит к выводу: „Ислам, как одна из форм общественного сознания, продолжает сохранять свою интегративную функцию по отношению к верующим, объединяя их по признаку вероисповедания. Благодаря распространению в общественной психологии явлению, когда существует отождествление религиозной и национальной принадлежности, ислам выступает в ка-

честве силы, объединяющей верующих и неверующих внутри одной нации и создающей чувство общности между представителями народов, в прошлом исповедовавших ислам... Нельзя не замечать этого, тем более, что оно проявляется в повседневной жизни” (Саидбаев, там же, с. 193).

Насчет обрядов ислама в мусульманских советских республиках Саидбаев дает такое объяснение: „Благодаря простоте, устойчивости, многие обряды и предписания ислама превращаются в привычки. Неоднократно повторяясь, они приобретают характер твердых жизненных потребностей, динамического стереотипа” (с. 226).

Все это написано до исламской революции в Иране. К своей книге автор приложил библиографию, в которую включил 400 книг и монографий против ислама, вышедших за последние два десятилетия в Москве и на местах. Уже одно это доказывает, что советскую власть давно пугает призрак возрождения басмачества, которое называло себя „Армией Аллаха”, тем более, когда сам президент исламской республики Иран Бани-Садр заявляет, что страдающие под авторитарным режимом мусульманские народы СССР должны получить возможность выбрать такую „систему правления, которую они сами желают” („Зюддойче цайтунг”, 26.2.1980).

Некоторое значение имеет и заявление Брежнева в беседе с президентом французского парламента Шабан-Дельмасом, в котором он оправдывал оккупацию Афганистана „неустойчивостью внутреннего положения” в СССР, а не тем, что СССР хочет захватить нефтяные источники.

Конечно, в такой связи это заявление вызывает подозрение — даже ценой признания своей внутренней слабости, Кремль хочет отвести внимание от

своих истинных мотивов. Но все-таки на встрече в Париже французское и немецкое правительства были склонны признать заявление Брежнева более соответствующим действительности, чем интерпретацию мотивации советского вмешательства со стороны американского правительства („Шпигель”, 17.2.1980, с. 20).

Таково неблагоприятное внутреннее положение, которое заставляет Кремль искать внешнеполитических успехов.

Перейдем ко внешней политике Кремля. Движущей силой советской внешней политики после свержения Хрущева стал блок догматиков из партаппарата и милитаристов из советского генералитета. Этот блок пересмотрел на XXIV съезде КПСС (1971) консервативную концепцию „мирного сосуществования”, объявленную на XX съезде КПСС (1956) „генеральной линией внешней политики Советского Союза”, и сделал радикальный поворот к наступательной политике с дифференцированными целями и методами: в странах третьего мира Кремль приступает к расширению зоны своей экспансии, выдавая ее за „братскую помощь против империализма”, а в странах Запада Кремль провозглашает политику „разрядки” с тем, чтобы Запад не мешал ему оказывать эту „братскую помощь” да еще снабжал Советский Союз техникой, технологией и даже хлебом и маслом. Делая такой поворот в своей внешней политике, блок догматиков и милитаристов исходит из того, что никогда в мире не было таких благоприятных условий для решения во всемирном масштабе „исторического спора” „кто кого?”, как сегодня.

Вот элементы, на которых основаны расчеты Кремля:

1. После второй мировой войны, в результате распада западных колониальных империй, в бывших колониальных странах образовался вакуум силы, — надо его заполнить просоветскими режимами;

2. После шока Вьетнама и дела Вотергейта США выключились из стран „третьего мира”, как сила, конфронтующая против советской политики глобальной экспансии, — надо воспользоваться этим уникальным шансом;

3. После потери Америкой ореола непобедимости и падения ее престижа как лидера свободного мира образовалась трещина между США и Европой, — надо ей воспользоваться, чтобы оторвать Европу от США.

4. Китай все еще слаб, — надо решить китайскую проблему, пока Китай при помощи Запада не стал непобедимой военной силой.

5. Советскому Союзу незачем бояться риска войны, ибо в мире нет такой военной силы, которая может победить СССР (Устинов: Западу „стала очевидной абсолютная бесперспективность его попыток с помощью силы, в том числе военной, решить в свою пользу исторический спор с социализмом” („Правда”, 14.2.1980).

Известную роль в оптимистических расчетах Кремля сыграло и положение в американской внутренней политике. Решительное усиление роли Конгресса после Вьетнама и Вотергейта парализовало свободу действий администрации во внешней политике; бездумное разоблачение Конгрессом и печатью американской разведывательной службы за границей ограничило или даже лишило американцев не только достоверной информации, но и возможностей противодействия подрывной работе КГБ. Личность нового президента Картера — человека ве-

рующего и миролюбивого — с его антивоенной программой (вывод войск из Кореи, сокращение военного бюджета, прекращение производства стратегических бомбардировщиков В-1, отказ от производства нейтронной бомбы, отказ от военной помощи Турции и Пакистану) — тоже навела Кремль на оптимистические размышления.

Как раз в свете общего стратегического плана Кремля, Афганистан — это не акт локальной агрессии, с целью обезопасить советские мусульманские границы или увеличить число советских азиатских республик, а лишь очередное звено в советской политике глобальной экспансии, утвержденной на XXIV съезде КПСС (1971) и фарисейски названной „Программой мира”, где слово „мир” надо понимать как земной шар. На самом деле в основе „Программы мира” лежали два связанных между собой плана:

план по морально-психологическому разоружению Запада, известный под термином „разрядка”, о чем речь пойдет дальше, и

план по вооружению просоветских сил в странах третьего мира под лозунгом „поддержка национально-освободительных войн против империализма”.

Брежнев не считал нужным скрывать наличие таких планов. На том же XXIV съезде в присутствии коммунистических делегаций из 96 стран он сам расшифровал свою „Программу мира” так: „Сегодня мы хотим еще раз заверить наших соратников-коммунистов мира: наша партия всегда будет идти в одном тесном боевом строю с вами... Полное торжество социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил” (Материалы XXIV съезда, М., 1971, с. 22).

На Западе все это сочли пустословием, но после оккупации Афганистана Брежнев напомнил: „У нас, как известно, слова не расходятся с делом” („Правда”, 13.1.1980).

Брежнев совершенно прав. Рассмотрим деяния Кремля после этого XXIV съезда. При широкой военно-материальной поддержке Москвы коммунисты победили во многих странах третьего мира. В Азии и Африке около 20 государств очутились под советским влиянием, а в некоторых из них созданы даже коммунистические режимы. Руками агентов КГБ Москва произвела коммунистические перевороты в Йемене и Афганистане (против этих переворотов никто на Западе не протестовал). Коммунистические заговоры против Чили, Португалии, Сомали, Уганды, Конго (Заир) и даже Египта сорвались не благодаря Западу и не по вине Москвы, а потому, что в этих странах нашлись здоровые национальные силы сопротивления.

В странах третьего мира Москва до сих пор проводила экспансию лишь посредством оружия и военно-чеккистских советников, в следующих трех формах:

1. „Заместительские” войны (Куба в Африке, Вьетнам в Азии);
2. Коммунистические перевороты, всегда маскируемые под „демократию” и „патриотизм”;
3. Национально-революционные восстания.

Вторжением со своей армией в Афганистан, страну третьего мира, Советский Союз реабилитировал и старую форму классического империализма — форму прямой и открытой агрессии.

Почему Кремль осмелился на оккупацию Афганистана? Какие силы в руководстве государства сказали тут решающее слово?

На вопрос, почему Кремль осмелился на вторжение в Афганистан, существует только один ответ: он был убежден не только в своем военном превосходстве, но и в своей безнаказанности. Об этом совершенно ясно (для тех, кто владеет советским языком) сказал тот же Брежнев: „ЦК партии и советское правительство действовали с полным сознанием своей ответственности, учитывая всю совокупность обстоятельств” („Правда”, 13.1.1980). Захват Афганистана задевал стратегические интересы США и Китая и нарушал установившееся равновесие в мире, значит Москва учитывала и чудовищный риск войны одновременно на три фронта — против Китая, против Америки и против ее европейских союзников по НАТО.

Что же касается сил, которые заставили Москву отважиться на агрессию, они тоже станут ясными, если мы учтем игнорируемый всеми западными экспертами следующий факт: с тех пор как свергли Хрущева, военно-стратегическое руководство в названном выше блоке догматиков и милитаристов переместилось от партаппаратчиков к советским военным кругам. Как теперь уже ясно, после провала ракетной авантюры на Кубе в 1962 году (был ли ее инициатором Хрущев или генералитет — это все еще не установлено) в руководстве партии и советских вооруженных сил, по всей вероятности, пришли к разным выводам: Хрущев хотел повернуть внимание от внешней политики к внутренним проблемам, для чего решил сократить армию (на 1 200 000 человек), а также и общий военный бюджет (постановление Совета министров за месяц до свержения Хрущева) с тем, чтобы перебросить освободившиеся средства в сельское хозяйство и гражданскую промышленность. Генералитет же, поддер-

жанный будущими заговорщиками против Хрущева, стал на другую точку зрения — по его мнению, СССР потерпел поражение потому, что не имел мощного военно-морского флота, чтобы отвергнуть ультиматум Кеннеди и силой прорвать блокаду Кубы; поэтому Советскому Союзу надо строить военно-морской флот, равный американскому или превосходящий его. Вот опираясь на этот генералитет, группа Брежнева, Сулова, Косыгина и свергла Хрущева (14.10.1964).

С этих пор „генеральной линией” партии стала милитаризация экономики, а „генеральной линией” советского военно-стратегического руководства — превосходство сил на суше, в воздухе, на море, в космосе, причем превосходство как обычного, так и ракетно-ядерного оружия над всем остальным миром. С этих пор советскую военную стратегию разрабатывают советские генералы и адмиралы, а не партаппаратчики. На этот счет есть даже точные указания и в самой советской военной литературе. Так видный советский военный теоретик профессор М. Скирдо пишет в учебнике Министерства обороны СССР: „Важнейшей функцией военного руководства, его органов, является разработка и осуществление стратегических планов войны” (М. Скирдо, „Народ, армия, полководец”, М., Воениздат, 1971, с. 150). В другом месте он прямо подчеркивает независимость высшего военного руководства от партаппаратчиков: „В современных условиях сохраняется определенная самостоятельность высшего военного руководства” (там же, с. 104).

За такие претензии Сталин расстреливал своих генералов, а Хрущев, как он выражался, брал их „за ушко да на солнышко”, а теперь Брежнев подписывает все, что советские генералы предлагают.

Таким образом, столь резкая милитаризация советской политики и экономики началась с приходом Брежнева к власти. Генералитет знал, с кем он имеет дело, когда поддерживал выдвижение Брежнева. Недаром Устинов заявил, что Брежнев „прошел суровую армейскую школу... Он глубоко знает жизнь и деятельность сегодняшних Вооруженных сил” („Правда”, 14.2.1980). И действительно, если мы проанализируем биографию Брежнева с 1939 по 1964 годы, то увидим, что из этих 25 лет на чисто партийной работе Брежнев провел только девять лет, а 16 — на должностях либо военно-политических (8 лет), либо в партаппарате, надзирая за военной индустрией (8 лет). Чины полковника, генерал-майора, генерал-лейтенанта Брежнев получил на военной службе, а чины генерал-полковника, генерала армии, маршала — за особые заслуги перед армией, будучи уже на посту генсека ЦК. Он был назначен председателем впервые при нем созданного Совета обороны СССР и Верховным главнокомандующим (не будучи еще председателем Президиума Верховного совета СССР), и награжден задним числом всеми боевыми и полководческими орденами СССР. Будучи исполнителем воли триединой реальной власти — партаппарата, политической полиции, армии, — Брежнев хорошо знает, что материальная основа этой власти — все-таки армия. Так как он — не Сталин, чтобы подчинить себе армию, и не Хрущев, чтобы попытаться это сделать, то Брежнев сам подчинился ей и стал ее вернейшим слугой на вершине партии и государства. Так образовался обоюдный выгодный союз генсека и генералитета, в котором генсек получил гарантии неприкосновенности своей личности и своей формальной власти, а армия — prerogatives „разработки и осуществления

стратегических планов войны” при „самостоятельности высшего военного руководства”, как об этом говорится в цитируемом выше учебнике Министерства обороны.

Из мимоходного замечания Брежнева о Совете обороны в его речи в Берлине от 6 октября 1979 г. мне представляется, что вот это самое „самостоятельное военное руководство” как раз и осуществляет Совет обороны СССР с теми же компетенциями, какие имела Ставка Верховного командования во время войны, опираясь на те же рабочие органы, на которые опиралась и Ставка (Генштаб и управления Министерства обороны). По всей вероятности, Совет обороны составлен по принципу Ставки, реорганизованной после 17 февраля 1945 г., когда в ее состав были включены только военные, но одновременно при ней был учрежден и институт советников, куда, кроме военных, включались и гражданские лица из числа членов Политбюро. В силу исключительной секретности решений Совета обороны СССР, его персональный состав должен быть ограниченным, как и личный состав Ставки (надо заметить, что в организационной практике брежневское руководство рабски подражает Сталину). По состоянию дел на сегодняшний день можно предположить, что в состав Совета обороны, кроме его председателя, маршала Брежнева, входят еще пять лиц — маршалы Устинов и Огарков бесспорно, а маршал Куликов, адмирал Горшков и генерал армии Андропов предположительно. О посылке в Афганистан „ограниченного военного контингента”, как выражается Кремль, мне кажется, решение было принято как раз этим Советом при участии узкого круга лиц из членов Политбюро. Такое важное военно-стратегическое решение не могло быть об-

суждено на собрании Политбюро, куда входят более 20 членов и кандидатов, да еще присутствуют все секретари ЦК. Вот этой исключительной секретностью, вероятно, и объяснялось, что не только державы Варшавского договора, но даже и пропагандный аппарат ЦК КПСС, не были информированы о решении оккупировать Афганистан, о чем свидетельствует не только крайне примитивное пропагандное оформление оккупации, но и такой элементарный ляпсус, что первую неделю ТАСС и советские газеты путали имя московского сатрапа в Кабуле с его фамилией.

При анализе причин и мотивов советской оккупации Афганистана надо различать ближайшие цели и общий стратегический план на будущее. Несомненно, что ближайшие цели Кремля — добраться до Персидского залива с его нефтью и до берегов Индийского океана, чтобы контролировать западную и азиатскую коммуникации. Но политика „дальнего прицела” заключается в другом: достигнув этих пунктов, советская экспансия может разветвиться в двух противоположных направлениях: на юго-восток, с целью расширения своего влияния на весь индийский субконтинент, а потом, соединившись с коммунистическим Индокитаем, завершить окружение Китая с моря и с суши; второе направление — на юг и запад с целью овладения государствами Аравийского полуострова и арабской Северной Африки.

Неразрешенный арабо-израильский конфликт будет тем динамитом, которым СССР легко взорвет изнутри Ближний Восток и арабскую Африку, а потом создаст одно объединенное Арабское „народно-демократическое” государство. Как раз успешный опыт большевизации обоих Йеменов показывает,

что советское правительство уже вступило на путь осуществления этой цели.

Какие перспективы ожидают СССР в Афганистане?

Оккупируя Афганистан, советское правительство рассчитывало на безнаказанность. Этот расчет оправдал себя — к ограниченным санкциям американского президента против Советского Союза не присоединился никто даже из членов НАТО. Но расчеты на быстрое умиротворение Афганистана и на патриотический подъем в собственной стране оказались иллюзорными. Афганистан, территория которого на 3/4 состоит из каменистых гор, с населением 17 миллионов человек воинствующих фанатиков ислама, представляет собой идеальную страну для партизанской войны.

Здесь побывали Александр Македонский, Чингисхан, арабы, турки, англичане, но никто из них не чувствовал себя уютно. Александр II, покорив Среднюю Азию, предусмотрительно остановился у афганских границ. Его сын Александр III имел с Афганистаном лишь небольшое столкновение на реке Кушк, которое кончилось присоединением к России двух оазисов в пограничной полосе (1885). Брежнев решил присоединить к советской империи весь Афганистан. Это решение может оказаться не только ошибочным, но и иметь тягчайшие последствия. Конечно, Советский Союз — супердержава с современной военной техникой, а афганцы — маленький народ, вооруженный простыми ружьями. И, вторгаясь в Афганистан, советские военные рассчитывали на быструю и тотальную победу. Но уже сейчас видно, что им предстоит вести длительную и изнурительную партизанскую войну с афганцами, о которых идет слава, что „они свои винтовки любят боль-

ше, чем собственных жен”. Когда немецкий корреспондент спросил одного из афганцев, как же он хочет со своим безобидным ружьем идти против танков и ракетного вертолета, тот спокойно ответил: „Те, которые в танках, не хотят умереть, а мы к этому готовы”. История афганского народа показывает, что это не риторика. Все данные говорят о том, что если Советскому Союзу не удастся покорить или уничтожить этот народ в ближайшие 2-3 года, то СССР ожидают серьезные международные и внутренние трудности, которые могут привести к политическому кризису, если не по всей стране, то в кремлевском руководстве.

Может быть, дело до этого не дойдет, и Москва сама выведет свою армию из Афганистана, убедившись в непредвиденных трудностях и идя навстречу требованиям почти всех некоммунистических стран мира? На этот вопрос Кремль уже ответил: Советская армия уйдет из Афганистана, когда отпадут причины, в силу которых она его оккупировала. Причины эти очень просты — афганские наемники Москвы не сумели превратить Афганистан в советский сателлит на Среднем Востоке, чтобы оторвать от Пакистана его просоветски настроенную западную провинцию — Белуджистан — и таким образом, без прямого участия Советской армии достичь ближайшей стратегической цели — выхода к Индийскому океану.

Китайцы, любящие выразиться образно, пишут: „Поработить Афганистан — это так же просто, как медведю ограбить улей; так думала Москва, посылая через границу войска с современным оружием. Но Москва узнает, что нарвалась на осиное гнездо... История докажет, что московские оккупанты в

Афганистане вырыли себе собственную могилу” („Бейджинг рундшау” № 3, 22.1.1980, с. 11).

Чтобы дело не дошло до этого, советское правительство будет практиковать тот же самый геноцид, который оно совершало во время мировой войны над мусульманскими народами Кавказа и Крыма. Потом СССР встанет на путь эскалации агрессии, выдавая каждую новую агрессию за оборону позиций, занятых во время предыдущей агрессии. История учит, что завоевательные войны великих империй всегда расширяются за пределы запланированных стратегических позиций, ибо эскалация, не встречающая на своем пути сопротивления, вырабатывает в самой себе автоматизм действия и идет уже как бы по инерции. Если СССР придет к заключению, что США не в состоянии дать отпора, а Европа не захочет поддержать США, советская экспансия в сторону Пакистана и Ирана станет фактом ближайшего будущего — не обязательно прямой советской оккупацией, но, вероятнее всего, организацией сепаратистского движения многочисленных малых народов Пакистана и Ирана. Большевики — мастера разжигать и эксплуатировать в своих целях шовинизм и национализм малых народов, а в этом отношении Пакистан и Иран — страны неограниченных возможностей.

Особо надо сказать и об одном феномене в мышлении советских лидеров и милитаристов, который мешает им трезво оценить как свои собственные возможности, так и возможности и решительность другой стороны. Я бы назвал этот феномен комплексом „шапкозакидательства”. Этим комплексом страдал и Гитлер, который трудности Сталина в ограниченной войне с Финляндией посчитал за военную слабость всей страны и поэтому собирался по-

кончить с нею „блицкригом” за два-три месяца. Этим комплексом страдают, по-моему, и нынешние советские политические и военные лидеры, думающие втихомолку: „Ту великую Америку, которую разбил маленький Вьетнам с нашим устаревшим оружием, мы со своим мощным современным оружием разобьем и подавно”. Не страшит советских милитаристов и огромное материально-техническое превосходство США в случае длительной неатомной войны. Выражая мнение советского Генерального штаба, вышеупомянутый проф. Скирдо писал: „Решающее значение ныне приобретают не потенциальные экономические возможности государств, которые можно привести в действие в ходе войны, а соотношение тех сил и средств, которыми вступившие в борьбу стороны располагали еще до начала военных действий” (М. Скирдо, цит. произв. с. 97).

Советское руководство имеет перед правительствами западными преимуществами, дающие ему неограниченные возможности маневрирования и мобильности. Во-первых, оно, по существу, пожизненно, что освобождает его членов от страха за свою карьеру, пока они соблюдают неписанный закон взаимозависимости, одинаково обязательный как для возглавителя, так и для рядовых членов руководства; во-вторых, оно неподотчетно не только народам страны, но даже и собственной партии, что дает ему, при отсутствии свободной печати, бесконтрольную возможность предпринимать любые акции, которые оно задумает; в-третьих, отсутствие морального тормоза в виде каких-нибудь гуманистических или религиозных норм нравственности делает его свободным в выборе любых средств и методов для достижения поставленной цели. А цель одна — постоян-

но увеличивающаяся вглубь и вширь власть, власть над страной, континентом, миром.

Эта эскалация власти мыслится не как старомодная ленинская импровизация „мировой революции“, а как с научной точностью разработанный, выражаясь терминологией Кремля, план „мирового революционного процесса“, в ходе которого разбиваются слабые звенья цепи мирового империализма — в Азии, Африке, Латинской Америке. Но и здесь ученики Ленина пошли дальше своего учителя. Например, Ленин, писал, что в Африке, где нет индустриального пролетариата, невозможно создавать коммунистические режимы. Брежневцы доказали, что это можно и нужно. После освоения большевизмом этих материков, Европа, лишенная сырья, рынка сбыта, разъедаемая кризисами, безработицей, инфляцией, по подстрекательству Кремля оторвавшаяся от США, атакуемая еврокоммунизмом изнутри и советокмунизмом извне, станет ареной больших революционных потрясений, исход которых даже невозможно предвидеть. Мы имеем прямые свидетельства из компетентных первоисточников, что эти потрясения будут организованными, а не стихийными.

Секретарь ЦК КПСС Пономарев, заведующий западными компартиями, говорит: „Объективные предпосылки для перехода к социализму в основных центрах капиталистической системы давно сложились... Накопленного годами и десятилетиями горячего материала достаточно, чтобы прорвать оболочку капиталистического господства... Все зависит от умения использовать имеющиеся возможности“ („Правда“, 18.3.1971). А вот и заявление секретаря ЦК КПСС Капитонова, который заведует высшими внутренними и международными кадрами КПСС:

„Наша партия была и остается верной завету Ленина — делать максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки и пробуждения революции во всех странах” („Правда”, 23.4.1969). Генеральный секретарь ЦК Брежнев все это подтвердил: „Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе, как *составную часть и фактор революции мировой*” („Правда, 22.4.1970). В осуществлении этой ленинской программы, казавшиеся всем „серыми” и „бесталанными” выученики Сталина проявили столько упорства, находчивости и изобретательности, что превзошли своего учителя как раз на том поприще, на котором Сталин считался непревзойденным — в околпачивании своих западных партнеров по этой судьбоносной политической игре. Ведь Сталин после войны сорвался на том, что хотел осуществить „заветы Ленина” в классических революционных формах „лобовых атак” (попытки создать „народные республики” в иранском Азербайджане, Курдистане, Греции, территориальные требования к Турции, претензии на протекторат над Ливией, конфликт с Югославией, берлинская блокада, корейская война) без основательной военной подготовки у себя дома, без политической подготовки в тылу намеченной жертвы, без дипломатической подготовки в странах Запада, как это делают теперь его ученики. Сталин буквально „спровоцировал” Запад на провозглашение „доктрины Трумэна” и на создание западной оборонительной системы (НАТО, СЕАТО).

Основой западной политики тогда стал курс на „сдерживание” коммунизма в его „имперских границах”. Поскольку коммунизм все же рвался за свои границы, то началась „холодная война”. Но за-

метим всем очевидный исторический факт: за 22 года „холодной войны” (1948-1970) свободный мир, включая сюда и страны третьего мира, не потерял ни одной политической позиции и ни одной страны в пользу коммунизма (даже Кастро пришел к власти, отрицая коммунизм). Эту оборону Запада надо было преодолеть так, чтобы открыть дорогу советской экспансии, но без большой атомной войны. Ведь появление атомного оружия произвело переворот не только в военной стратегии, но и в стратегии политической. В атомную эпоху война перестала быть продолжением политики иными средствами, как у Клаузевица, или источником пролетарской революции, как у Ленина и Сталина. Отсюда — необходимость в соответствии с новыми условиями пересмотреть всю доктрину ленинизма о путях и методах достижения стратегической цели. Начало этому положил Хрущев со своим курсом на „мирное сосуществование”. Этот курс создал нужный Кремлю психологический климат в свободном мире, но ни на шаг не продвинул советскую внешнюю политику к вожделенной цели — выходу советского коммунизма за имперские границы.

Свержение Хрущева и приход к власти Брежнева открыли эру динамической политики советской экспансии. Кремль разработал новую революционную концепцию — пример тактического искусства большевизма. Это — пресловутая „разрядка”, которую ведущая немецкая газета „Франкфуртер альгемайне цайтунг” метко назвала „раушгифт” (наркотик).

Предварительные результаты разрядки за восемь лет (1971-1979) известны всем: СССР превратил в „марксистско-ленинские” государства: в Африке — пять стран (Анголу, Мозамбик, Конго, Эфиопию и,

вероятно, Родезию), в Азии — пять стран (Южный Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Йемен, Афганистан), в Латинской Америке — три страны (Кубу, Гренаду, Никарагуа).

Советские лидеры совсем не скрывают, что „холодная война” им мешала, а разрядка помогла включить эти страны в орбиту своей политики.

По маршалу Устинову, „холодная война” тормозила экспансию большевизма: „Империализм, пытаясь затормозить мировой революционный процесс, развернул „холодную войну” („Правда”, 22.2.1980). А вот и признание Брежнева по поводу того, зачем нужна была „разрядка” вместо „холодной войны”: „Разрядка создает благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма” („Правда”, 25.2.1976).

Причем Кремль допускал и допускает „разрядку” только наверху, между правительствами, но не внизу, между народами. Он допускает сосуществование идеологий между идеологами, наверху, но не среди народов, внизу. Он откровенно признает, что „разрядка” для него — особая форма идеологической борьбы за торжество коммунизма во всем мире. Гигантский аппарат печати и радио на всех языках мира, гигантская сеть чекистских агентов во всех уголках земли поставлены на службу советской пропаганды и революционных диверсий против западной демократической системы.

Вместо того, чтобы принять этот вызов коммунизма и со своей стороны рассказывать народам советской империи о преимуществах демократической формы правления, Запад занялся безобидным „культуртрегерством”. Более того, Запад не меньше кремлевских правителей озабочен, чтобы у них в тылу не горело (доктрина Зонненфельда), а

то, мол, испугавшись у себя революции, они, в панике, могут напасть на нас. Возьмите западные радиопередачи на Восточную Европу и СССР: „Голос Америки“, „Би-Би-Си“, „Немецкую волну“, „Свободную Европу“, „Свободу“. Там работают талантливые организаторы и выдающиеся публицисты, а продукция? Стерильная информация и дезинфицированные комментарии, которые „просеиваются“, чтобы в них случайно не попали „бациллы антикоммунизма“.

Америка, безцензурная печать и радио которой по частному криминальному эпизоду посадили в тюрьму почти весь штаб Белого Дома, установила цензуру над своими радиопередачами в СССР и Восточную Европу. Высокое начальство не только не разрешает критиковать систему, но не позволяет передавать ничего, что могло бы резать слух или оскорбить нежные чувства джентльменов из Политбюро, как будто Политбюро — „институт благородных девиц“, а не генеральный штаб международных заговорщиков.

Какие уроки преподаст Афганистан Советскому Союзу — еще рано говорить, но о трех уроках, которые он преподал США, можно говорить уже сейчас:

1. Запад проглядел, как Советский Союз, прикрываясь маской „разрядки“ и пропагандой разоружения (сокращения ракетно-ядерного стратегического оружия), настолько резко изменил соотношение сил в свою пользу по всем видам оружия, что вторжением в Афганистан продемонстрировал свою волю и способность воевать одновременно и с США и с Китаем.

2. Союзники США в Европе не готовы на помощь, если США столкнутся с Советским Союзом вне зо-

ны обороны НАТО. Континентальная Европа отказывается присоединиться даже к мирным экономическим, технологическим и морально-политическим (бойкот Олимпиады) санкциям США против советской агрессии, тем самым морально и материально этой агрессии способствуя. И это та самая Европа, которая была спасена Америкой и от Гитлера, и от Сталина, и которая независима от СССР лишь благодаря защите американского атомного зонта.

3. Европа своей игрой в „независимость”, саботажем санкций США против СССР, заболевшая манией иллюзорной „разрядки”, провоцирует одновременно и Советский Союз и США. Советский Союз она вдохновляет на дальнейшее усиление нажима на нее — с целью оторвать ее от США. США она толкает к старой политике изоляционизма, которая может возобладать, если Его Величество американский налогоплательщик потребует возвращения из Европы дорого стоящей ему американской армии. Если это случится, — а Америка — все еще страна неограниченных возможностей, — то границы Советского Союза будут проходить по Ламаншу.

А. Авторханов

(Дополнительная глава ко 2-му изданию книги „Сила и бессилие Брежнева”)

Афганистан и Россия

Не будем цитировать. Достаточно заглянуть в любую большую западную газету, чтобы сразу же убедиться, что советское вторжение в Афганистан рассматривается на Западе почти как естественное продолжение внешней политики дореволюционной России. Недаром в заключении почти каждого еженедельного анализа можно найти сакраментальную фразу о „царском империализме”.

Больше того, — читая западные газеты и журналы последних месяцев, можно подумать, что руководство КПСС и сам ее генеральный секретарь забыли не только „освободительную миссию” Советской армии по отношению народов Восточной и Центральной Европы в 1944-1945 гг., но и попытки навязать „народное правительство” Отто Куусинена Финляндии в 1939 г. и Мархлевского-Дзержинского в Польше во время похода на Варшаву в 1920 г. ... Выходит, будто весь исторический опыт и успехи коммунистической стратегии, неотделимой частью которой является доктрина внесения

революции извне, были отброшены в декабре 1979 г. с тем, чтобы вернуться в лоно внешней политики царской России.

Поэтому, как нам кажется, наступило время поговорить о том, какова все же была эта пресловутая царская политика по отношению к Афганистану?

Напомним, что британский посол в Петербурге сэр Артур Никольсон, подписавший вместе с русским министром иностранных дел Извольским англо-русскую конвенцию 1907 года, признает, что русский министр сразу же недвусмысленно дал ему понять, что заботы о положении в Афганистане он охотно предоставляет Англии. И действительно, в этой конвенции 1907 года сказано с предельной ясностью:

„... российское императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния”. И далее: „... оно обязуется не посылать никаких агентов в Афганистан”*

Тогдашний русский министр финансов (ставший после Столыпина премьер-министром) Коковцев, чье мнение высоко ценилось не только в России, но и на мировой бирже, настаивая на принципе торгового рав-

* См. сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. Госполитиздат М. 1952, 390 с. и далее.

ноправия с Англией и в Персии, и в Афганистане, писал в то время:

„Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и отклонений в сторону. С этой точки зрения, отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов...”

А в то же время важность сохранения мира, как подчеркивал русский министр финансов, и, в частности,

„...важность соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, может быть, связаны с афганским вопросом”*.

Читая мемуары Извольского и Коковцева, вышедшие за границей, едва ли можно заподозрить этих видных государственных деятелей России начала века в отсутствии патриотизма.

Наоборот, их патриотизм и заключался в том, чтобы уберечь свою родину от авантюр, грозящих международными осложнениями; находить такие решения, которые, обеспечивая безопасность границ, в то же время не вовлекали бы страну в затяжные конфликты. Недаром Коковцев напоминает об „уроках прошлого”, т. е. о занятии Порт-Артура

* См. Красный Архив т. X, 1925, с. 55 и далее.

и последовавшей за этим войне с Японией. Недаром поэтому Извольский настоял, подписывая конвенцию с Англией об Афганистане, чтобы все стороны „... не вмешивались во внутреннее управление этой страной”.

Конвенция 1907 г. была, как известно, поворотным пунктом в англо-русских отношениях. Она привела к англо-русскому союзу в рамках Антанты во время первой мировой войны. Но и она же, в частности, обеспечила России окончательное признание границы с Афганистаном, вопрос о которой вызвал такую бурю в Лондоне в 80-х годах прошлого века.

Ибо, строго говоря, эта граница пропала от среднего течения Теджена, где он образует границу с Ираном, до впадения в Аму-Дарью. Оттуда по Пянджу начиналась граница уже не между Афганистаном и Россией, а Афганистаном и зависимым от России Бухарским эмиратом. (Здесь и далее мы употребляем несколько архаично звучащий термин „эмират”, а не более современный „эмир”, следуя тексту договоров между Россией и Бухарой. — Н. Р.)

Непосредственная граница между Афганистаном и Россией проходила по пустыне, прорезанной рекой Мургабом и его притоками. Граница была установлена вскоре после взятия генералом Скобелевым туркменской

крепости Геок-Тепе почти сто лет назад — 12 января 1881 г.

Через несколько дней после этого полковник Куропаткин (усердный начальник штаба Скобелева и нерешительный командующий во время русско-японской войны) без боя занял Асхабад (нынешний Ашхабад) и настоял на проведении через Мерв Закаспийской железной дороги, первой в Средней Азии, связавшей Краснозаводск с Ташкентом.

Занятие Мерва вызвало волнение в Англии, и не без ее влияния зимой 1885 г. небольшой афганский отряд вторгся в Пенджинский оазис, находящийся выше Мерва по течению Мургаба. По этому поводу Ленин утверждал, что Россия и Англия были „на волосок от войны”. Но это было одно из его многочисленных преувеличений. Он не потрудился заглянуть ни в речи Гладстона, заменившего к этому времени лорда Биконсфилда, ни в увесистые тома под названием: „Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1885”, изданные в Петербурге в 1886 г.

Россия обязалась не продвигаться за пределы туркменских земель — дальше Кушки, тогда же созданного пограничного поста на притоке Мургаба. „Дальше Кушки не пошлют” — вошло с тех пор в пословицу у офицеров старой русской армии, ожидавших

взыскания начальства за совершенный проступок.

Продолжение же границы с Афганистаном по Пянджу, на северном берегу которого лежали земли Восточной Бухары, исторически образовалось задолго до того (за исключением небольшой полосы Памира), как эмир Бухарский признал в мае 1868 г. над собой русский протекторат. В силу этого Бадахшан и населявшие его таджикские племена, в частности в районе Локай, (отсюда само название локайцы), оказались по обе стороны границы, что не мешало, впрочем, сохранению родственных связей и поддержанию отношений.

Русское правительство, в лице туркестанского генерал-губернатора непосредственно сносившееся с эмиром Бухарским, придерживалось рекомендаций полковника генштаба Глуховского, большого знатока Средней Азии, писавшего, в частности, еще за два года до установления русского протектората над Бухарой своему начальнику генералу Кауфману-Туркестанскому:

„Никакие убеждения, советы, угрозы России не смогут пересоздать вековое устройство мусульманских государств...”

И действительно, до самой революции поданных эмира Бухарского не призывали в русскую армию, они могли выбирать между новыми, русскими и своими старыми зако-

нами (правда, сильно смягченными: так запрещены были казнь через сажание на кол, помещение в клоповую яму, отрубание рук); они не были, наконец, ни в чем, что касалось их исламской веры, ограничены. Самая широкая автономия в условиях таможенной унии обеспечила бухарскому населению быстрое повышение жизненного уровня, особенно накануне первой мировой войны.

А что касается „колониального ограбления“, то оно ограничивалось одним, скорее символическим, взносом на постройку эсминца для Балтийского флота, по традиции носившего название „Эмир Бухарский“.

Не следует, конечно, идеализировать отношения между русскими военными властями в Туркестане и чиновниками эмира. Но они были весьма похожи на отношения Франции с султанским Марокко накануне первой мировой войны, когда французский протекторат олицетворял генерал Лаотей. И если уже вступать на путь сравнений, то вполне логично предположить, что в ходе спокойной парламентской эволюции Думской монархии в России, предоставление полной независимости Бухарскому эмирату было так же неизбежно, как признание независимости Марокко правительством Мендес-Франса в 1956 г.

Нельзя же всегда следовать методу сравнений только с 1913 годом, как рекомендо-

вал Сталин с трибуны XVI партсъезда...

Но как бы там ни было, отношение России к Бухарскому эмирату четко и ясно показывало, что Россия не рассматривала конвенцию 1907 г. и ее статьи, касающиеся Афганистана, как „ключок бумаги”. Афганцы — до революции в России — не имели никаких оснований опасаться угрозы с севера.

В заключение нельзя не сказать хотя бы несколько слов о политике Ленина на Ближнем Востоке и, в частности, по отношению Афганистана. С приходом КПСС к власти вмешательство во внутренние дела Афганистана задержалось лишь в связи с борьбой с Белыми армиями на фронтах гражданской войны. С ее концом в 1920 году Ленин, не откладывая, приступил к осуществлению своих планов на Ближнем Востоке. Он лично пригласил из Германии бежавшего туда после разгрома Турции в 1918 году зятя турецкого султана Энвер-Пашу, бывшего и военным министром, и начальником турецкого генерального штаба. Ленин, конечно, превосходно знал, с кем имеет дело. Главного виновника страшной резни армян в 1915 году, разгромленного генералом Юденичем под Саракамышем, Энвер-Пашу объединяла с Лениным ненависть к старой России. Для Ленина этот идеолог пантуркизма и зять наместника самого пророка, очевидно, казался наиболее удобным инструментом для ка-

муфляжа при захвате власти в мусульманских государствах Ближнего Востока.

После нескольких личных бесед в Кремле с Лениным Энвер-Паша для начала был послан в Баку, где он произнес цветистую речь на организованном Коминтерном съезде народов Востока. Отсюда, вместе со своим турецким штабом, он был переправлен в Бухару, незадолго до этого взятую штурмом Красной армией и превращенную в „Народную республику”. Здесь он должен был начать формирование армии для создания „Великого мусульманского государства” в составе Турции, Персии, Бухары, Хивы, Афганистана...”*

Из этой затеи тогда ничего не вышло. Энвер-Паша обманул Ленина так же, как год спустя его обманул Кемаль-Паша, предварительно получив через Фрунзе вооружение для своей армии и немалую долю скудного золотого запаса, выданную ему несмотря на голод в Поволжье 1921 года.

Обманув чекистский надзор, Энвер-Паша бежал вместе со своим турецким штабом из „народной” Бухары и примкнул к сторонникам свергнутого Бухарского эмира Сеид Амин-хана. Он стал опасным противником. Ему удалось с помощью местных курбашей

* Об этом см. также и у Д. Л. Голикова „Крушение антисоветского подполья в СССР”. Москва, 1978. т. II, 191 с.

захватить Гарм, Куляб и, после двухмесячной осады, Дюшамбе (ныне Душанбе). То есть — почти всю Восточную Бухару. Ленину пришлось снова лично вмешаться. Только теперь он через Фрунзе обратился к Буденному с приказом ликвидировать „басмачей”*. Энвер-Паша был зарублен в бою с отрядом 8-й кавбригады 4 августа 1922 года, но борьба с „басмачами” — то есть подавление партизанского движения на базе ислама

* Фрунзе сформировал тогда „Особую группу войск”, начальником штаба которой был назначен талантливый полковник генерального штаба старой армии Николай Евгеньевич Какурин, известный своими многочисленными трудами по истории гражданской войны. Полковник Какурин попал в Красную армию только в 1920 году, не то будучи взятым в плен, не то перейдя из Галицийского корпуса к Буденному. Этому ему не забыли. В 1930 году он был арестован по делу промпартии, в котором, согласно замыслу, должен был играть роль военного министра в кабинете Рамзина. В отличие от последнего, Какурин из тюрьмы живым не вышел.

Ударной частью „Особой группы” была 8-я кавбригада, лично сформированная Буденным. В нее вошло немало профессиональных рубак, воевавших с 1914 года, и казаков, невольно попавших в 1-ю конную армию, когда Донская армия белых была прижата к морю под Новороссийском в марте 1920. Вернуться по демобилизации в свои станицы они, естественно, не могли. Буденный это знал и „сплавил” этот нежелательный для него контингент в Среднюю Азию.

— продолжалась, то затухая, то вспыхивая вновь, до самого 1931 года. Только 8 июня 1931 года неподалеку от Теремеза был убит принявший командование после Энвер-Паши Ибрагим бек. Даже еще в 1942 году один из курбаши Ибрагим-бека, под именем Бабаярхана, вернулся в родной Локай (в Таджикистане) и поднял восстание во время массовой мобилизации таджиков-локайцев в Красную армию. Он продержался в горах до 1944 года.

И эта затяжная война с „басмачами” еще раз говорит о глубоком, коренном различии между политикой руководства КПСС и России по отношению к мусульманским государствам. Ибо за 50 лет русского протектората в Бухаре ни ее пустынная, ни ее горная, граничащая с Афганистаном часть не знали никаких басмачей. А некоторые курбаши из Чарджоуского бекства добровольно служили в Текинском полку, до конца оставшемся верным генералу Корнилову в августе 1917 года...

И теперь, когда по ту сторону Пянджа, в Афганистане, от вмешательства в дела которого Россия всегда воздерживалась, началась новая затяжная война с „бандами басмачей” (как снова называет повстанцев советская печать), пора напомнить, что она не имеет ничего общего ни с русскими государ-

ственными интересами, ни с традиционной политикой России на Ближнем Востоке.

Это необходимо напомнить еще и потому, что подобно тому, как это было в 1944-45 годах, когда русское имя часто отождествлялось с коммунистическим насилием в Центральной и Восточной Европе, так и теперь в Афганистане русских солдат принимают, к несчастью, за носителей коммунистических идей и порядков. И убивают за это.

Н. Р у т ы ч

(„Посев” № 5, май 1980 г.)

Положение в канун второй военной весны

Автор статьи — полковник афганской армии. Военное образование получил в академии им. Фрунзе, а потом в академии Генерального штаба в Москве. Борется на стороне повстанцев. Занимает ответственную должность в Штабе НИФА (Национальный Исламский Фронт Афганистана).

По всей стране военное положение для советских войск попрежнему остается тяжелым и продолжающаяся оккупация обходится дорого. Нормализации не видно даже на горизонте.

Советская сторона применяет две различных тактики.

Первая: после артиллерийской подготовки и при поддержке с воздуха, крупные боевые части с танками и бронетранспортерами продвигаются к намеченной цели и занимают ее.

Вторая: при помощи вертолетов проводится воздушный десант, цель которого — уничтожение отдельных групп повстанцев или разрушение их опорных пунктов. Классическая техника парашютных десантов приме-

няется все реже из-за больших потерь в результате расстрела парашютистов в воздухе. Поэтому для высадки выбираются места по возможности скрытые от наблюдения повстанцев. Вертолеты снижаются, насколько возможно, и бойцы спускаются на землю по веревкам. В этих операциях участвуют хорошо натренированные, отборные части, в боях с которыми повстанцы несут большие потери.

Первая тактика

Она применима только при наличии дорог или широких троп на равнинной или холмистой местности. Так как Афганистан — горная страна, то для применения этой тактики есть естественные „топографические границы”.

Контртактика повстанцев заключается в том, что они устраивают засады на поворотах дороги в узких долинах и, обстреливая медленно движущуюся колонну противника, все время держат ее в состоянии тревоги. На избранных ключевых позициях сосредотачиваются более крупные силы повстанцев, по возможности вооруженные противотанковым и противовертолетным оружием. На самой дороге возводятся различные препятствия. На такой ключевой позиции и происходит более или менее ожесточенный бой.

Как правило, повстанцы не в состоянии задержать на долгое время большую часть противника, не говоря уже о том, чтобы вынудить ее отступить. Советские части достигают поставленной цели: занимают населенный пункт, долину или иную доступную для контроля территорию, проводят карательные операции и устанавливают „правительственную” власть. Повстанцы оттягивают свои силы и переходят к классической партизанской тактике. Они все время держат противника в напряжении своими — разной чувствительности — „комариными укусами”: убивают из засад советских солдат, нападают на небольшие конвои, разрушают линии связи, закладывают мины на дорогах и т. п.

Так как население почти без исключения настроено антикоммунистически и представляет повстанцам убежище, а также снабжает их информацией о противнике, то эта тактика советской армии не может привести к ликвидации повстанцев. Репрессии обрушиваются на мирное население и вызывают еще большую ненависть к оккупантам и их немногочисленным пособникам.

Занятую таким способом территорию советские войска могут удерживать продолжительное время, но ценой связывания значительных сил и ощутимой затраты военного материала. А повстанцы, ведущие Священ-

ную войну и пользующиеся неограниченным влиянием на население, все время готовы наносить противнику удары, а в случае его отступления, готовы сразу же занять оставленные противником позиции. При такой военной концепции 80-90 тысяч советских войск и 25-30 „правительственных” войск могут удерживать только важнейшие стратегические пункты страны и охранять связывающие их дороги. При этом линии связи все время подвергаются нападению повстанцев. Таким образом, первая тактика создает положение „пата”, похожее на окопную войну, где обе стороны ставят своей целью изнурение противника.

Вторая тактика

Ставящая своей целью уничтожение живой силы повстанцев, эта тактика сначала не была особенно успешной, так как противник из-за афганских условий не мог в полной мере использовать свое преимущество в тяжелом вооружении и нес большие потери.

Для успешного применения этой тактики должны существовать следующие предпосылки:

- хорошо обученные и вооруженные части, способные преодолевать большие трудности и готовые к рукопашному бою;
- хорошее знание местности, где проводится операция;

— надежная разведывательная служба.

Первые операции, проведенные десантными частями, спущенными на веревках с вертолетов, с элементом неожиданности, привели к большим потерям среди повстанцев и произвели на них большое впечатление. Эти операции позволяют сделать вывод, что советское командование после 6-8 месяцев войны пришло к заключению о бесперспективности временного занятия повстанческих территорий и карательных экспедиций. Очевидно, в результате воздушных съемок была хорошо изучена местность и, кроме того, в распоряжении советского командования наряду с обычными, не особенно охотно воевавшими частями, появились хорошо натренированные на борьбу против партизан, очень боеспособные и готовые драться — отборные части.

Проведенные до сих пор операции с их участием были, очевидно, пробными. Так как они оказались для советских войск успешными, следует ожидать, что эта тактика борьбы против повстанцев станет основной. Дальнейшее зависит от двух условий: сколько времени нужно советскому командованию для подготовки новых отборных частей и как быстро советские штабы сумеют получать нужную информацию о передвижениях повстанцев, чтобы своевременно перерабатывать свои оперативные планы.

Контртактика повстанцев должна заключаться в их быстроте и подвижности. Предыдущий опыт показывает, что советские штабы часто пользуются устаревшими или неверными данными и проводят нападения на позиции, уже оставленные повстанцами. Наилучшая контртактика повстанческого руководства должна теперь основываться на обмане противника, путем подбрасывания ему ложной информации, которая дезориентировала бы его и завлекала в заранее подготовленные засады. Учитывая уже упомянутое настроение населения и лучшее знание местности повстанцами, такая контртактика весьма перспективна.

Но так или иначе, принятая противником (вторая) тактика, как бы успешна она ни была, не решает исхода войны. Страна велика и вся охвачена восстанием. Уничтожение отдельных повстанческих отрядов — это отдельные операции, которые так и останутся отдельными операциями. Во всяком случае в наступающем втором году войны.

Применение боевых газов, имевшее место в первой половине 1980 года, судя по всему, самим советским командованием было признано либо неэффективным, либо вредящим престижу СССР. Во всяком случае повстанцы от применения газов пострадали только в отдельных местах.

Некоторые выводы из опыта боев 1980 года

Исходящие от отдельных повстанческих групп и попадающие в местную прессу победные сообщения сильно преувеличены. Преувеличение начинается на местах. Афганские повстанцы — простые люди, которые, да еще с большого расстояния, не могут правильно оценить потери противника. Сообщение первоисточника, что противник понес „большие” потери, пытаются дополнительными вопросами превратить в цифры, которые берутся произвольно. В ходе дальнейшей передачи сообщения они становятся просто фантастическими. Идущая партизанская война не столь кровопролитна, как это кажется непосвященным. Потери обеих сторон в течение первого года войны, конечно, исчисляются тысячами. При этом потери советских и „правительственных” войск по вполне понятным причинам (подвижная, построенная на засадах и ловушках тактика повстанцев) в четыре, может быть, в пять раз выше потерь повстанцев (но не населения! оно несет гораздо большие потери).

Так или иначе, но первый год войны не принес решения. Ни одна из борющихся сторон не достигла перевеса. Большие города, стратегически важные дороги и горные перевалы находятся в руках нашего противника,

хотя и под постоянной угрозой удара повстанцев. Снабжение проводится воздушным путем или при помощи очень сильных конвоев. Старая часть города Герата не только ночью, но и днем — под контролем повстанцев. Расположенные рядом с городом казармы и аэродром — прочно в руках советских войск. Стратегические важные дороги (Кабул — Саланг — Мазари-Шариф или Кундуз, Кабул — Газни — Герат, Кабул — Джелалабад) все время подвергаются нападениям повстанцев или минируются.

О планах оккупационного командования мало что известно. Однако создается впечатление, что попытки добиться победы путем значительного усиления оккупационных войск пока оставлены. Усилия оккупантов сосредоточились на восстановление еще при Амине развалившейся афганской армии, причем массовое дезертирство и передача оружия повстанцам принимается как неизбежное зло.

Афганская „правительственная” армия

Насчитывавшая к апрельскому перевороту 1978 года 100 тысяч бойцов, афганская армия, в результате роста ненависти к коммунистам, стала важнейшим источником пополнения повстанческого движения. Не только отдельные солдаты и офицеры, но и це-

лые части, почти всегда с полным вооружением, переходили к повстанцам или скрывались среди своего племени. После прихода к власти Кармалю, т. е. с момента оккупации, в армии насчитывалось лишь около 20 тысяч человек. Советское командование оценило ее как ненадежную. Но это было ошибкой. Те, кто не дезертировал, — не могли этого сделать или не хотели. Они рассматриваются повстанцами как изменники народу и Исламу, и их ненавидят даже больше, чем пришедших издалека неверных русских. Когда оккупационные власти поняли это, они дали Бабраку Кармалю „зеленый огонь” для отстройки „правительственной” армии.

Политическая стратегия здесь ясна: превратить сопротивление против иностранных оккупантов в гражданскую войну. Но методы, которыми пытаются вокруг этого ядра отстроить „правительственную” армию, противоположны стратегическому замыслу. Мобилизованные контингенты отнюдь не надежны. Призываются молодые люди с 20 лет. Мобилизация проводится только в тех местах, которые находятся под полным правительственным контролем. Проводятся облавы на базарах больших городов, в кишлаках и селах. Захваченные, часто 12-16-летние подростки, доставляются в казармы (если это из отдаленных деревень, то на советских вертолетах) и после двух-трехнедель-

ной подготовки вливаются в существующие части. Неудивительно, что многие из них при первой же возможности пытаются бежать к своим семьям. Скольких из них ловят, наказывают и снова возвращают в части, скольких повстанцы убивают или принимают к себе, сколько достигают цели — этого, разумеется, не знает никто. Повышение наказаний за дезертирство свидетельствует о его росте.

Объявление амнистии всем ранее дезертировавшим солдатам и офицерам, если они вернутся в армию, не дало никаких результатов.

Повышением срока службы с 24 до 30 месяцев хотели повысить боеспособность войск, но эта мера вызвала недовольство, усилила дезертирство и даже привела к беспорядкам в отдельных частях.

Попытка Кармаля выполнить советское требование и отстроить боеспособную правительственную армию закончилась неудачей. Нынешние „правительственные” войска могут быть использованы только для вспомогательной и полицейской службы, да и то лишь под строгим советским надзором. Солдаты и офицеры чувствуют себя в таком положении людьми второго сорта, что лишает их остатков боеспособности.

Переходы одиночек и групп на сторону повстанцев продолжаются, и афганские „пра-

вительственные” части практически могут использоваться в боях только в качестве „придатка” к советским частям.

Полк. Гулам Вардак

(„Посев” № 3, март 1981 г.)

Перед новым военным летом

Активные боевые действия возобновились во второй половине марта карательной экспедицией оккупационных войск, поддержанных авиацией и артиллерией. Нападению подвергся город Кульм в 300 км северо-западнее Кабула и 10 сел в районе города Чарикар в 80 км севернее столицы. От бомбардировок погибло свыше 100 местных жителей. Экспедиция была предпринята в отместку за то, что население этого района поддерживало повстанцев.

С начала апреля начались боевые действия в большинстве провинций страны. Особенно ожесточенные столкновения происходят около городов Герат и Кандагар, а также в провинциях Логар, Газни и Парван, к югу и северу от Кабула. Провинция Логар практически находится под полным контролем повстанцев. Второй по величине город Афганистана Кандагар также находится в их руках и подвергается беспрестанным атакам со стороны советских оккупационных и афганских „правительственных” войск. В разгар

боев за город, в середине апреля, свыше тысячи „правительственных” солдат и офицеров перешли на сторону защитников города. В результате этого перехода практически перестала существовать 7-я пехотная афганская „правительственная” дивизия.

Перед новым „военным летом”, через 16 месяцев с начала оккупации советские войска меньше, чем когда либо, являются хозяевами положения. Оккупационные войска не могут подавить сопротивления и вместе с остатками „правительственных войск” способны только контролировать большие города и основные дороги, да и те только частично. Советское командование до сих пор не смогло найти эффективного способа борьбы против афганских освободительных сил. Тактика карательных экспедиций оказалась безуспешной. После „прочистки” района с помощью вертолетов, танков и артиллерии и отхода войск на исходные позиции, повстанцы, отступившие в горы, возвращаются и снова берут под свой контроль „очищенную” территорию. Предупредить нападения на военные склады, конвои, общественные учреждения или отдельных коллаборационистов оккупационные войска вообще не в силах.

Сегодняшнее положение афганских освободительных сил заметно улучшилось по сравнению с прошлым годом. Они значитель-

но лучше вооружены и снабжены амуницией. Все в подавляющем большинстве — советское, попадающее к повстанцам тремя способами: в результате захвата военных складов, его приносят с собой переходящие „правительственные” части, а амуницию покупают у советских солдат или выменивают у них на гашиш и опиум. В западной части Афганистана появились, очевидно из Ирана, отремонтированные американские джипы. До сих пор у повстанцев нет специального противотанкового или противовоздушного оружия. Разговоры о поставке повстанцам этого оружия, имевшие место в Каире и Вашингтоне, пока остались разговорами.

Мораль афганских освободительных сил заметно укрепилась, чему способствует не только улучшение вооружения, но и то, что оккупационные войска оказались более уязвимыми, чем это представлялось, и их современное оружие оказалось не столь эффективным в условиях партизанской войны, происходящей в трудных природных условиях Афганистана.

Положение советского правительства — не из легких. Конечно, если рассматривать его с точки зрения глобальной стратегии, т. е. иметь в виду продвижение на юг, в район Персидского залива, положение в Афганистане становится второстепенным. Базу для дальнейшего наступления и звено связи для

продвигающихся на юг и юго-запад войск нынешняя ситуация обеспечивает. Но подобное продвижение поведет к мировой войне, что в ближайший расчет нынешних советских руководителей, судя по всему, не входит. Следовательно, предстоит удерживать Афганистан в изнурительной партизанской войне. Именно, только удерживать, так как для полного „умиротворения” страны и создания в ней стабильного положения необходимо, по мнению даже советского генштаба, до 400 тысяч войск. Это совпадает и с мнением западных военных специалистов.

Число потерь убитыми за год войны приблизилось к десяти тысячам человек — солдат и офицеров, то есть около 10% личного состава оккупационных войск. В рапорте командованию, найденном на одном из убитых офицеров, говорится о тяжелом моральном состоянии солдат. Не удивительно — только палачи могут убивать женщин, детей и стариков без угрызений совести. Но те молодые ребята из провинциальных городов и сел, которых принуждают вести эту грязную войну, — не палачи. Кроме того, они на собственном опыте убедились, что против них борются афганцы, прежде всего афганские крестьяне, а не „американцы, китайцы и пакистанцы”, как лжет партийная пропаганда. Такие же простые крестьяне,

как деды этих солдат, сопротивлявшиеся коллективизации и гибнувшие миллионами в сталинских лагерях.

Конечно, для советских вождей десять или двадцать тысяч убитых русских солдат — малая издержка. На их счету миллионы загубленных. Но эти потери не могут не отражаться на настроении населения. Процесс этот медленный из-за недостаточности информации. Тем более, что западные радиостанции — основной источник массовой информации — в своих передачах на русском языке или избегают этой темы или подают ее в несколько „пасторальных” тонах. Еще одним тормозом для понимания происходящей в Афганистане трагедии является мнение, распространенное среди, прежде всего, привилегированного и правящего слоев, что Афганистан был оккупирован в интересах безопасности государства, то есть в государственных интересах. Это — или глубокое заблуждение или преступная ложь. Ни китайцы, ни американцы не собирались занимать Афганистан. Для этого есть достаточно документальных данных и общей информации. Афганистан был при Дауде — до коммунистического переворота — нейтральной, с сильным просоветским уклоном, страной. И Дауд не собирался менять это положение, а только стремился получить большую экономическую помощь от Запада,

так как советская была довольно скудной. Оккупация Афганистана ничего, кроме крови, нашей стране не дала. Даже с точки глобальной стратегии, о которой говорилось выше, это было не нужно. Даудовский режим не препятствовал бы (да и не в силах был) продвижению к Персидскому заливу.

Оккупация Афганистана, независимо от целей, — свидетельство необузданной агрессии советского режима. Еще один пример политики, ведущей нашу страну к катастрофе и обрекающей наш народ на все новые и новые жертвы. Те люди в правящем слое, кто пытается, вольно или невольно, поддерживать эту политику, оправдывать ее, прикрывать „государственными интересами”; должны понять, что в случае катастрофы именно они будут вместе с преступным правительством расплачиваться за нее.

Е. Романов

(Из „Посева” № 5, май 1981 г.)

Основы внешней конструктивной политики Российского государства

Нынешнее правительство СССР проводит внешнюю политику, полностью противоречащую интересам страны. Продолжение этой политики неизбежно приведет Россию и мир к новой всеобщей войне.

Чтобы предотвратить худшее, в определение и проведение политики нашей страны должны включиться силы, ставящие нужды страны и благо народа на первое место. Каких бы политических взглядов ни придерживались эти силы, у них будет только один путь: отказ от внешней экспансии, основанной на военном превосходстве.

НТС предлагает конструктивным силам нашей страны направление внешней политики, которое выведет страну из создавшегося тупика и поставит ее на путь оздоровления.

I. Основные положения

Общенародная задача Российского союзного государства — внутреннее благоустройство: духовное, культурное, социальное,

экономическое, национальное и т. д. Сюда входит органическое разрешение проблемы национального и территориального состава Российского союзного государства.

Масштаб задачи таков, что в ближайшее десятилетие Россия должна будет посвятить ее разрешению все свои силы. *Внешняя политика Российского союзного государства должна быть подчинена нуждам внутренней политики.*

Российское государство решительно отказывается от достижения своих внешнеполитических целей при помощи создания военного превосходства.

Особенности Российского государства (размер, географическое положение) определяют отдельные параметры внешней политики.

Российское государство трансконтинентально. Его жизненные интересы лежат как в Европе, так и в Азии.

Национальный состав Российского союзного государства не может не оказывать существенного влияния на определенные аспекты внешней политики.

Размер и потенциальная мощь Российского государства, даже после возможного выхода из него (на основе национального самоопределения) некоторых республик, будет неминуемо вызывать настороженность как ближних, так и дальних правительств, осо-

бенно — учитывая сложившееся за десятилетия отношение к России.

II. Цели внешней политики

Цели внешней политики Российского союзного государства, в порядке их значимости:

1. Быстрое и существенное снижение военных затрат. Установление таких внешних отношений и договоров, которые бы позволили провести это снижение при сохранении безопасности страны.

2. Обеспечение внешнеторговых отношений в той мере, в которой они необходимы для перестройки народного хозяйства и экономического оздоровления страны.

3. Конструктивное участие в разрешении проблем мироустройства во взаимодействии с другими странами.

III. Контуры внешней политики

1. Запад.

Российское государство ставит своей главной задачей внутреннее благоустройство. Это требует — и дает возможность — перевести взаимоотношения с Западом на новые рельсы.

Задачи западной политики России:

— Установление добрососедских отношений с государствами Европы и отношений взаимной ответственности и взаимной выгоды с Соединенными Штатами Америки.

— Развитие активных экономических связей, необходимых для перестройки народного хозяйства и быстрого подъема материального благосостояния.

— Обеспечение доброжелательного нейтралитета, а по возможности — поддержки Запада в случае агрессии со стороны Китая.

Ожидать полного переворота в отношении Запада — и в первую очередь США — к Российскому государству было бы наивно (накопившееся недоверие; соперничество великих держав; влияние антирусских настроений). Однако центр тяжести необходимой обороны переносится на восток. В связи с этим возможно и желательно снижение того уровня, на котором устанавливается равновесие сил в Европе, а также и стратегическое равновесие между Россией и США.

Размер и характер вооруженных сил России должен определяться стратегическими потребностями дальневосточного положения. При этом и размер, и характер, и дислокация вооруженных сил существенно меняются. Эти изменения и являются маневренным резервом в переговорах с Западом.

Инструментом становления нового равновесия сил может быть договор или серия договоров, касающихся следующих проблем:

1. Вывод вооруженных сил Российского государства, включая сюда инструкторов и советников всех видов, из Кубы, Афганистана, Эфиопии, Йемена, Анголы и др. стран. Прекращение поддержки нынешних режимов в этих странах.

2. Паритетное снижение стратегического вооружения России и США до уровня, необходимого России для осуществления дальневосточной политики сдерживания.

3. Роспуск организации Варшавского Договора и НАТО. Вывод войск Российского государства из Восточной Европы и войск США из Западной. Воссоединение Германии.

4. Комплекс мероприятий, направленных на преодоление накопившегося взаимного недоверия, контроль за выполнением договорных обязательств и общее улучшение отношений.

2. Дальний Восток.

Цель дальневосточной политики Российского государства — установление с Китаем добрососедских отношений на основе взаимного соблюдения жизненных интересов, территориальной неприкосновенности и взаимовыгодных экономических связей.

Нынешнее социально-политическое состояние Китая не позволяет надеяться, что Китай готов уже в ближайшем будущем нормализовать свои отношения с Россией на указанной выше основе. Поэтому, и впредь до существенных изменений во внешней и внутренней политике Китая, военная и политическая стратегия Российского государства ставит перед собой следующие задачи:

— Предотвращение вооруженного конфликта.

— Содействие социально-политическим процессам в Китае, облегчающим нормализацию отношений между обеими странами.

— Отстройка фундамента для дружеских отношений с народами Китая.

Наученная собственным горьким опытом, Россия отличает китайский народ от режима. Партнер российской дальневосточной политики дальнего прицела — суверенный народ Китая. До тех пор, пока ни правительство КНР, ни правительство Тайваня не имеют так или иначе обоснованного народного мандата, Россия рассматривает эти правительства как временные.

Предотвращение агрессии со стороны Китая достигается таким оснащением вооруженных сил Российского государства, которое бы в случае военных действий, гарантировало неприемлемые для Китая потери его

боевой техники, живой силы и промышленности.

Для устранения вооруженного противостояния необходимо направить усилия на заключение четырехстороннего договора, гарантирующего мир на Дальнем Востоке. Для этого необходимо прежде всего найти общую платформу с Японией и США и создать предпосылки для привлечения Китая.

Со своей стороны, Российское государство отказывается как от превентивной войны, так и от попыток стратегически окружить и изолировать Китай, который не должен быть загнан в психологическое состояние круговой обороны.

Мирный договор с Японией — первоочередная задача. Сближение и развитие отношений с Японией, которые были столь взаимовыгодны в период 1907-1917 годов, — необходимый компонент дальневосточной политики России, в частности, в деле развития Восточной Сибири.

3. Ближний Восток.

Ближневосточная политика Российского союзного государства проистекает из двух положений.

1. Россия должна считаться с религиозными, культурными, традиционными и языковыми связями мусульманских народов нашей страны с Ближним Востоком.

2. Географическое положение Ближнего Востока (выход к Каспийскому, Средиземному и Черному морям, Суэцкий канал, контроль над значительной частью мировых запасов нефти) делает этот регион жизненно важным для Российского государства и требует избежать его превращения в орудие враждебной России политики.

Задачи ближневосточной политики Российского государства формулируются в сознании того, что Ближний Восток играет жизненно важную роль не только для России, но и для многих других государств. Интересы и самих народов Ближнего Востока, и остального мира требуют, чтобы этот регион перестал быть как полем соперничества великих держав, так и театром внутренних конфликтов.

Эти задачи:

- Обеспечение нейтралитета этого региона.
- Создание стабильных условий для снабжения мировой экономики нефтью.
- Мирное разрешение региональных конфликтов.

Для решения этих задач необходимо сотрудничество основных заинтересованных сторон, закрепленное договором между ними.

4. Третий мир.

Исходя лишь из своих национальных интересов, Российское союзное государство могло бы в Третьем мире ограничиться только торговыми отношениями. Однако, поскольку ряд стран Третьего мира нуждается в помощи для преодоления проблем, связанных с их развитием, Российское государство примет участие, в меру своих возможностей, в разрешении этих проблем в рамках международных мероприятий.

*Исполнительное Бюро Совета
Народно-Трудового Союза
российских солидаристов*

(„Посев” № 3, март 1981 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

В афганском капкане	7
Оккупация Афганистана	23
Первые месяцы афганского сопротивления	36
„Я не понимаю, чего они хотят от Афганистана” (свидетельство афганского беженца)	46
Андрей О к у л о в. Кровь, о которой запрещено говорить	50
Военный и политический пат	57
Ввод новых войск	71
Пресс-конференция НИФА и НТС в Мадриде	78
Обращение НИФА к советским оккупационным войскам	88
У нас общий враг — коммунистическая диктатура (интервью с Саедом-Ахметом Г а й л а н и, руководителем Национального исламского фронта Афганистана)	92
Листовки НТС в Афганистане	99
Трудная проблема	108
В. Р ы б а к о в. Русский солдат в Афганистане	115
Жертвы преступной политики КПСС (по сообщениям спецкорреспондентов „Посева”, побывавших в Афганистане)	129
Отклики из России (Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР; независимый клуб „Мария”; Б.В.; свободный профсоюз литераторов в Ленинграде)	136

А. Авторханов. Афганистан: мотивы, расчеты, перспективы	140
Н. Рутыч. Афганистан и Россия	168
Полк. Гулам Вардак. Положение в канун второй военной весны	180
Е. Романов. Перед новым военным летом	191
Основы конструктивной внешней политики Российского государства (от Исполнительного Бюро Совета НТС)	197

Отзывы на эту книгу
просим направлять
по адресу:

POSSEV-VERLAG D-6230 Frankfurt a. M. 80,
Flurscheideweg 15